

В. КАРАСЕВЪ.

Ревизоръ, Тарасъ Бульба

и другія произведенія Н. В. ГОГОЛЯ.

изложеніе и разборъ.

пособіе для учащихся.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“ Невскій пр., 54—3.

Паровая Типографія Л. В. Гутмана, Калашниковскій пр., 13.

О творчествѣ Н. В. Гоголя.

Не многіе изъ русскихъ писателей переживали такую глубокую нравственную борьбу, такъ много душевныхъ конфликтовъ, какъ Н. В. Гоголь, и рѣдкій изъ нихъ являлъ примѣра того по-истинѣ трагическаго душевнаго разлада, какой выпалъ на долю первому русскому «реалисту».

Творить, чтобы потомъ отказаться отъ своихъ произведеній, высоко оцѣненныхъ уже современниками; избрать новый путь, на который влечетъ тебя какая-то туманная, «высшая» цѣль и на этомъ пути растерять всѣ свои силы,—развѣ все это не исполнено глубочайшаго трагизма? Если мы теперь глубоко цѣнимъ Н. В. Гоголя, то, конечно, благодаря созданнымъ имъ «Мертвымъ Душамъ», «Ревизору« и малорусскимъ повѣстямъ, и нужно глубоко разобраться въ различныхъ явленіяхъ внутренней жизни Гоголя, чтобы понять, что могло заставить Николая Васильевича впослѣдствіи отказаться отъ этихъ произведеній, которыя обезсмертили его имя.

Знакомясь, однако, глубже съ личнымъ характеромъ, съ психикой Николая Васильевича, раскрывая тѣ литературно-философскія теченія, которыя существовали въ его время и къ которымъ онъ не могъ остаться совершенно равнодушнымъ, наконецъ, изучая шагъ за шагомъ всю жизнь его, мы сможемъ представить себѣ

трагедію душевной жизни Н. В., которая привела его къ отрицанію всего своего творчества.

Литературная дѣятельность Н. В. началась въ 1829 г.; въ этомъ году появился въ печати его «Гансъ Кюхельгартенъ», который вскорѣ же былъ осужденъ самимъ авторомъ и уничтоженъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы Н. В. начинаетъ печатать свои малорусскія повѣсти и пріобрѣтаетъ мало-по-малу почетную извѣстность. Онъ знакомится съ В. А. Жуковскимъ, П. А. Плетневымъ, А. С. Пушкинымъ и другими видными представителями тогдашняго литературнаго міра.

Связи съ Жуковскимъ, А. С. Пушкинымъ и его кружкомъ несомнѣнно оказали не малое вліяніе на начинающаго писателя, а потому далеко не лишнимъ является желаніе узнать мысли и убѣжденія, царившія въ кружкахъ его новыхъ друзей.

Необходимо отмѣтить то благоговѣніе, ту глубочайшую любовь, какую питалъ Гоголь къ нашему великому поэту. Это было прежде всего воздѣйствіе геніальной личности, уже развившейся, достигшей расцвѣта силъ, на слабаго неопытнаго юношу, дѣлающаго первые шаги въ литературѣ. Что касается вліяній чисто-литературныхъ, то для насъ здѣсь важно указать на то, что Пушкинъ, какъ авторъ „Евгенія Он.", сказокъ, „Капит. дочки", „Пов. Бѣлкина", своимъ примѣромъ указывалъ Гоголю на художественное изображеніе русскаго помѣщичьяго, чиновничьяго, деревенскаго и городского быта, мѣтко схваченнаго въ его національныхъ типическихъ чертахъ. Но своеобразный сатирико-художественный талантъ Гоголя отличался отъ спокойнаго и чисто художественнаго таланта Пушкина. Послѣдній цѣнилъ въ Гоголѣ ту особенную остроту наблюденія, благодаря которой писатель воспроизводилъ житейскій бытъ во всѣхъ его самыхъ тонкихъ, комическихъ и уродливыхъ деталяхъ. Это придало сочи

неніямъ Гоголя оттѣнокъ сатиры, обличенія и было одной изъ причинъ ихъ большого общественнаго значенія.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Н. В. далъ толчекъ новому направленію, которое носитъ названіе реальнаго; онъ могучей силоіі своего таланта сблизилъ литературу съ жизнью, онъ нанесъ рѣшительный ударъ той идеализаціи дѣйствительности, которая еще царила въ литературѣ его времени и находила много сторонниковъ. Еще въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (1834 г.) В. Г. Бѣлинскій говоритъ: «Г. Гоголь... принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому не извѣстны его «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки»? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды!»...

В. Г. Бѣлинскій каждый разъ привѣтствовалъ новыя произведенія Н. В. Гоголя. Когда вышли гоголевскіе «Арабески» и «Миргородъ», критикъ написалъ пространную статью «О русской повѣсти и повѣстяхъ Г. Гоголя», гдѣ указываетъ, что настоящая русская повѣсть создана Н. В.

Но обладая острымъ сатирическимъ дарованіемъ, Гоголь задавался цѣлью не обличать, а просто, какъ художникъ, рисовать то, что видитъ вокругъ. Поэтому общественная роль его произведеній, на которую ему указывали критики, какъ напр. Бѣлинскій, была для него самого не ясна. Въ то же время ошеломляющій успѣхъ его произведеній и та огромная роль, которую отвели Гоголю въ русской литературѣ и жизни его современники, заставили его отнестись къ себѣ не только какъ къ беллетристу, но и какъ къ учителю и духовному вождю народа. Та скверна русской жизни, которую изобразилъ онъ въ „Мертв. душахъ“, „Ревизорѣ“ и др. произв., удручала его самого и заставила судорожно искать выхода изъ этой тьмы.

Онъ самъ испугался всей той пошлости, низости, невѣжества русскаго народа, которыя онъ вывелъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ начинаетъ искать свѣтлыхъ сторонъ русской дѣйствительности, желаетъ вывести въ своихъ будущихъ твореніяхъ „идеальныхъ" людей, онъ начинаетъ заботиться не столько объ *осмѣяніи пороковъ*, сколько о *нравоученіи*, о высокомъ моральномъ воздѣйствіи. Еще съ дѣтства свойственная Н. В. религіозность все больше и больше развивалась въ немъ паралельно съ крѣпнущимъ сознаніемъ, что онъ призванъ свершить великое дѣло, сказать великое слово русскому народу; и въ концѣ концовъ это сбило его совершенно съ пути свободнаго творчества. Послѣ появленія въ печати „Мертвыхъ Душъ", Н. В. все болѣе и болѣе склоняется къ тому убѣжденію, что необходимо бросить выставленіе напоказъ язвъ его соотечественниковъ, что надо дать нѣчто стройное, идеальное, сказать свое спокойное высокое слово, къ чему онъ несомнѣнно призванъ Промысломъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ, однако, начинаетъ сознавать все свое безсиліе, и приходитъ къ заключенію, что прежде, чѣмъ стать пророкомъ высшей морали, необходимо прежде всего нравственно усовершенствовать самого себя — отсюда и вытекаетъ его аскетизмъ, его отдаленіе отъ жизни. Уже съ начала тридцатыхъ годовъ Н. В. большею частью проживаетъ заграницей, главнымъ образомъ въ Римѣ, гдѣ и зрѣетъ его аскетическое и піетическое настроеніе.

Русская дѣйствительность все болѣе и болѣе меркнетъ въ его воспоминаніи, новыя теченія русской жизни, новые духовные и общественные запросы Россіи не доходятъ до него.

Между тѣмъ бѣдность познаній и скудость философскаго мышленія не даютъ ему возможности найти какой либо свѣтлый выходъ изъ этого положенія. Въ этой безплодной борьбѣ, Н. В., не понявшій истиннаго своего значенія, мало-по-малу теряетъ всѣ свои силы.

Аскетизмъ, стремленіе къ нравственному очищенію— для возрожденія своихъ духовныхъ силъ на пользу родины — толкаютъ Н. В. на поѣздку въ Іерусалимъ. Но еще до отъѣзда своего онъ выпускаетъ въ свѣтъ „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ — цѣлую книгу, которая ясно показала, что въ писателѣ произошелъ серьезный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный переломъ. Книга эта, о которой мы еще будемъ говорить подробнѣе, подняла цѣлую бурю въ критикѣ. Тѣ, кто недавно были друзьями поэта, стали его врагами, враги друзьями. Впрочемъ, иначе и не могло быть.

Литературные враги Н. В. Гоголя, слѣдуя туманной эстетическо - романтической теоріи, приняли благосклонно его первыя произведенія изъ малорусскаго быта; когда-же появился „Ревизоръ“, а затѣмъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ — они категорически заявили, что талантъ Гоголя, такъ ярко проявившійся въ его первыхъ произведеніяхъ, приходитъ въ упадокъ, что онъ совершенно безцѣльно тратитъ свои силы на выставленіе пороковъ и язвъ русскаго народа, такъ какъ-де это не дѣло истиннаго художника.

Одинъ изъ критиковъ категорически заявилъ, что „Мертвыя Души“ — „грубая каррикатура, что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки“; что выраженія, встрѣчающіяся въ книгѣ, не даютъ возможности читать ее спокойно. Но лучше, сильнѣе всего заключительныя слова этого критика о „Мертвыхъ Душахъ“: „Искусству нечего дѣлать, не въ чемъ разсчитываться съ „Мертвыми Душами“.

Другого мнѣнія, однако, держались его друзья, его почитатели.

Они ясно сознавали всю силу общественнаго значенія его новыхъ произведеній, для нихъ герои его не были каррикатурами, они были живыми людьми,

выхваченными изъ русской жизни, они были тѣмъ „живымъ укоромъ“ всему пошлому, низкому, невѣжественному, который заставляетъ людей задуматься надъ окружающей ихъ дѣйствительностью.

„Онъ (Гоголь), говоритъ Бѣлинскій, пробудилъ въ насъ сознаніе насъ самихъ—вотъ его истинная заслуга“.

Съ появленіемъ въ печати „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ мнѣнія о творчествѣ Н. В. должны были стать прямо-противоположными. Въ этой книгѣ Н. В. совершенно отказывался отъ своихъ прежнихъ „заблужденій“, признавалъ все, до сихъ поръ написанное имъ, безполезнымъ, не соотвѣтствующимъ цѣли. Но помимо этого отреченія отъ прошлой литературной дѣятельности, въ новой книгѣ замѣчались такія новыя черты писателя, которыя не предвѣщали ничего добраго.

Н. В. впалъ окончательно въ піетизмъ, въ каждой строкѣ писемъ слышится наставленіе, поученіе, чуть не пророчество, онъ оправдываетъ дѣйствительность, оправдываетъ крѣпостное право, всѣ уже тогда отжившія формы нашей общественной жизни и даже бюрократическій строй, безпощадно изобличенные имъ же въ главныхъ его художественныхъ произведеніяхъ, и требуетъ отъ каждаго личнаго нравственнаго совершенства.

Въ предисловіи къ своимъ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями“ онъ говоритъ, что издавая эту книгу, ему „хотѣлось хотя симъ искупить безполезность всего, доселѣ имъ напечатаннаго, потому что въ письмахъ его, по признанію тѣхъ, къ которымъ они писаны, находится болѣе нужнаго, нежели въ его сочиненіяхъ“.

Авторъ отказывается отъ своихъ прежнихъ твореній, полныхъ великолѣпныхъ картинъ нашей дѣйствительной жизни, отъ своего реальнаго направленія. Онъ,

какъ кающійся грѣшникъ, обращается ко всей Россіи съ просьбой простить ему всѣ его прегрѣшенія. Онъ идетъ теперь искать обновленія у гроба Господня; но чувствуя слабость и приближеніе смерти, хочетъ, „при разставаньи оставить что-нибудь отъ себя своимъ соотечественникамъ“.

Онъ полагаетъ, что „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, составившія довольно объемистый томъ, „нужны и могутъ быть полезны; что въ нихъ есть многое, что „занимаетъ нынѣ общество“. Со страницъ этой книги слышится мистическій голосъ пророка, но, къ сожалѣнію, пророка, плохо понимающаго истинные духовные запросы Россіи.

Въ своемъ „Завѣщаніи“ онъ подтверждаетъ еще разъ свое отреченіе отъ прошлыхъ заблужденій и подвергаетъ себя во имя мистическихъ соображеній безпощадному самобичеванію. „Завѣщаю по смерти моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листкахъ и журналахъ: все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу“.

Оставляя въ сторонѣ тѣ статьи изъ „Выбранныхъ мѣстъ“, которыя имѣютъ литературно-критическій интересъ, обратимся къ тѣмъ, которыя дадутъ намъ возможность обрисовать новыя общественные взгляды Н. В. Гоголя.

Прежде всего замѣтимъ, что Гоголь, движимый теперь идеей личнаго нравственнаго совершенствованія, а также сознаніемъ лежащаго на немъ новаго мистическаго долга, въ этой второй половинѣ своей литературной дѣятельности точно также не былъ крѣпостникомъ и реакціонеромъ, какъ не былъ имъ и въ началѣ. Онъ не перешелъ изъ одного лагеря въ другой, а просто отошелъ отъ обоихъ. Утвердившись на новой точкѣ

зрѣнія христіанскаго, мистическаго служенія, онъ проповѣдовалъ теперь идею отреченія отъ внѣшняго, духовнаго освобожденія и очищенія, съ той фанатической прямотой, которая была свойственна его горячей страстной душѣ и которая доводила его до крайностей, возбуждавшихъ гнѣвъ и раздраженіе у многихъ. Но это не избавляло, конечно, Гоголя отъ многихъ прискорбныхъ ошибокъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ касается отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ. Напрасно мы желали бы въ этомъ письмѣ найти осужденіе крѣпостничества, этой высшей формы насилія человѣческой личности, напрасно мы желали бы найти въ немъ указанія на тѣ ужасныя послѣдствія, которыя повлекло за собой крѣпостное право. Гоголь, усвоившій себѣ точку зрѣнія внѣшняго непротивленія всѣмъ уродливымъ формамъ нашего политическаго и общественнаго строя; Гоголь, съ его, до уродливой крайности доведенной, религіозностью,—призываетъ какъ-будто самое Евангеліе оправдать всю ложь печальной крѣпостнической дѣйствительности.

Въ этомъ письмѣ, адресованномъ одному изъ пріятелей писателя, Н. В. пишетъ: „Если только исполнишь въ точности все то, что теперь скажу, то къ концу же года увидишь, что я правъ. Возмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, *что такое ты, и что такое они.* Что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властію, должны покоряться той самой власти,

подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, и покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго".

Тутъ все отъ начала до конца—пропитано тѣмъ смиреніемъ передъ дѣйствительностью, которое продиктована Гоголю его аскетизмомъ.

Далѣе Гоголь, призывая также въ свидѣтельство Евангеліе, говоритъ, что неправильное распредѣленіе труда, что безпросвѣтная трудовая жизнь крѣпостныхъ для удовлетворенія потребностей ничего не дѣлающихъ помѣщиковъ—не является соціальной кривдой.

„Скажи имъ (крестьянамъ), продолжаетъ онъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги предъ ними ассигнаціи, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль, но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли".

Всякому извѣстно теперь, а тогда было извѣстно всѣмъ лучшимъ современникамъ Гоголя, какъ страшно страдаетъ народная масса отъ отсутствія просвѣщенія, какъ бьется она во мракѣ невѣжества, поддерживаемаго своеобразными политическими соображеніями; и Гоголь, дѣлаетъ большую ошибку, пуская въ обращеніе слѣдующія свои мысли:

„Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ".

Такимъ образомъ, просвѣщенія народу не нужно,

онъ слишкомъ много трудится, и ему нѣтъ времени читать „книжонки“.

Развѣ—нѣтъ времени, значитъ и не надо?

Гоголю и въ голову не пришло подумать, что всѣ эти неблагопріятныя условія для просвѣщенія созданы „барщиной“, работой на господъ, крѣпостнымъ правомъ.

Но все же, оставаясь вѣрнымъ своему аскетическому настроенію, Гоголь замѣчаетъ, что народу „не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ священныхъ“.

Знакомясь далѣе съ „Выбранными Мѣстами“, мы увидимъ, что Гоголь—мистикъ и піетистъ говоритъ съ каждой строчки.

Намъ теперь при оцѣнкѣ этой послѣдней книги Гоголя необходимо имѣть въ виду, что въ то время, когда книга Гоголя появилась, съ ней считались не съ точки зрѣнія ея психологическаго и философскаго интереса, а съ точки зрѣнія ея общественнаго вреда. Этимъ объясняются рѣзкіе отзывы Бѣлинскаго и даже позднѣйшихъ критиковъ.

„Въ постепенномъ развитіи его (Гоголя) мнѣнія можно отличить три періода, говоритъ А. Н. Пыпинъ. Въ началѣ это была чисто поэтическая дѣятельность, слѣдовавшая безсознательно побужденіямъ таланта и рядомъ съ тѣмъ усвоеніе общественныхъ взглядовъ отъ его друзей Пушкинскаго кружка. Этотъ періодъ кончается „Ревизоромъ“

Успѣхъ „Ревизора“ и первое столкновеніе съ невѣжественнымъ обществомъ произвели на него сильное впечатлѣніе; онъ сталъ думать о своихъ авторскихъ обязанностяхъ и при большомъ всегдашнемъ самомнѣніи и слабомъ научномъ и общественномъ развитіи и всегдашней религіозности—понялъ свою дѣятельность какъ исполненіе свыше данной задачи. Онъ считаетъ

себя учителемъ и пророкомъ, авторскій трудъ свой—священнымъ великимъ трудомъ, въ немъ уже развивается мистическій піетизмъ, но чисто поэтическія внушенія еще сопротивляются резонерству, и онъ издаетъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Этимъ заканчивается второй періодъ... Успѣхъ „Мертвыхъ Душъ" окончательно утвердилъ Гоголя въ тѣхъ мнѣніяхъ о своей роли, какія возымѣлъ онъ уже давно. Свою авторскую работу онъ считаетъ теперь настоящей „службой", а себя—такъ сказать, государственнымъ моралистомъ: второй томъ „Мертвыхъ Душъ" долженъ былъ представить какія-то откровенія личной государственной нравственности. Между тѣмъ отчасти неувѣренный въ своемъ знаніи русскаго общества, немного забытаго въ „прекрасномъ далекѣ", отчасти „подталкиваемый друзьями (не терпѣвшими новой литературы) Гоголь издалъ „Выбранныя мѣста", гдѣ высказалъ свою общественную философію съ высокомѣріемъ и нетерпимостью охальника и избалованнаго человѣка, со всѣми крайностями своей мистической религіи и узкой отсталостью ограниченнаго человѣка.

Ошибку свою онъ вскорѣ понялъ, но исправить ее былъ уже не въ состояніи; резонерство уже подавляетъ поэзію, и второй томъ „Мертвыхъ Душъ" остался „нерѣшеннымъ вопросомъ".

В. Г. Бѣлинскій съ первыхъ же шаговъ Н. В. Гоголя увидѣлъ въ немъ силу, которая вскорѣ выведетъ русскую литературу на вполнѣ жизненный путь.

В. Г. Бѣлинскій былъ справедливымъ цѣнителемъ значенія творчества Н. В. Гоголя, а потому его мнѣніе о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» и высказанныя имъ сужденія о переломѣ въ направленіи творчества перваго русскаго реалиста имѣютъ весьма важное значенье.

Статья Бѣлинскаго объ этой книгѣ Гоголя подробно

разбираетъ всѣ тѣ основныя заблужденія, которыя въ ней заключаются, указываетъ на то, что Гоголь въ ней дошелъ до полнаго консерватизма въ своихъ общественныхъ взглядахъ, что его пророческій тонъ совершенно лишенъ основанія, такъ какъ то, что имъ говорится, далеко не соотвѣтствуетъ истинѣ, запросамъ времени и настоятельнымъ нуждамъ русскаго общества и закрѣпощеннаго народа.

Теперь вопросъ: зачѣмъ написана эта книга?—заключаетъ свою статью В. Г. Это такъ-же трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написана авторомъ эти строки: «О какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха!» Какое слѣдствіе можно извлечь изъ этой книги?

Но большее значеніе для насъ имѣетъ письмо В. Г. Бѣлинскаго, такъ какъ въ немъ болѣе ярко представленъ тотъ ложный шагъ, который сдѣлалъ Гоголь, издавъ свои „Выбранныя мѣста". Письмо это было вызвано самимъ Гоголемъ и служитъ отвѣтомъ на его письмо, являясь въ то-же время выраженіемъ мнѣній лучшей части общества и литературы, современныхъ Гоголю. Это замѣчательное письмо, хотя и не было напечатано, быстро сдѣлалось общимъ достояньемъ всей Россіи, и правъ К. Аксаковъ, который говоритъ, что въ то время на Руси не было ни одного честнаго доктора, хорошаго учителя, порядочнаго человѣка, который не зналъ бы это письмо наизусть, не говорилъ о немъ восторжено (Впервые полностью оно издано въ 1905 г., подъ ред. С. А. Венгерова, изд. „Свѣточъ").

„Вы только отчасти правы, писалъ Бѣлинскій, увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитате-

теляхъ вашего таланта. Тутъ причина была болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума умолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленія чувства истины, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всей страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страной, можетъ любить надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хотя на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видѣли самаго большого числа, и которыя въ свою очередь, тоже никогда не видѣли васъ! Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ. Я думаю, что бы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ, но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далека. А вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ изъ далека видѣть предметы такими, какъ намъ хочется ихъ видѣть, потому что въ томъ прекрасномъ далекѣ вы живете совершенно чужды духомъ, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ

піетизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое, по возможности, выполненіе ихъ. А вмѣсто того она представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ—не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди, сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Стеньками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка; а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь—уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учитъ варвара помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами". Да, если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ его крестьяне—его братья по Христу, и какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ

дать или свободу, или по крайней мѣрѣ пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи. А выраженіе: «Ахъ ты, неумытое рыло!..» да у какого Ноздрева, или у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе русскихъ мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣрили своимъ барамъ, сами себя не считая за людей. А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ, расправѣ, идеалъ котораго вы нашли въ словахъ глупой бабы, въ повѣсти Пушкина, и по разуму котораго должно пороть и праваго и виноватаго! Да это и такъ у насъ дѣлается, даже въ частую, хотя чаще всего порятъ праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія быть безъ вины виноватымъ. И такая-то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высшаго духовнаго просвѣщенія?

Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!.. Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человѣку грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ Богъ за эту мысль, если только, передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, что творили... Теперь судите сами: можно-ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ человѣка? Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы и, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ

есть жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ вѣрный успѣхъ, даже при маленькомъ талантѣ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ мнѣніемъ такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто-бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, что вы могли это думать о пишущей братьи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ Душахъ" вы менѣе рѣзки, съ меньшей истиной и талантомъ, и менѣе горькой правды высказали? И она дѣйствительно разсердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ" и „Мертвыя Души" не пали отъ этого, тогда какъ ваша послѣдняя книга провалилась сквозь землю. И публика тутъ права; это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ,—хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго—чувства, и это-же показываетъ, что у нея есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги.

„Ваше опрощеніе, пожалуй, можетъ быть искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики—самая печальная... Смиреніе, проповѣдываемое вами, во-первыхъ, не ново, во-вторыхъ, отзывается съ одной стороны страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ только или гордости или слабоумія, и ведетъ въ однихъ случаяхъ къ лицемѣрію, ханжеству, атеизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжество), но и о самомъ себѣ (это уже гадко), потому что

человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самого себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы омрачены, а не просвѣтлены. И что за языкъ, что за фразы? „Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ“. Неужели вы думаете, что сказать „всякъ“ вмѣсто всякій — значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о самомъ себѣ, какъ о писателѣ, кто-бы подумалъ, что это надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“? Что-же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошибаетесь, сочтя статью лично выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если-бы только это разсердило меня, я только объ этомъ отозвался-бы съ досадою, а объ остальномъ отозвался-бы спокойно и безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своими восторгами ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ; но и это необходимость тяжела, потому что какъ-то нечеловѣчески за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣете въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все-же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, можетъ быть, гораздо болѣе восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла, но все-же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго, благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало-бы выдавать ихъ головою—ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинять ихъ въ намѣреніи дать какой-то предосудительный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы,

кажется сдѣлали, это по увлеченію главною мыслью ва-
шей книги и по неосмотрительности. Все это не хорошо.
А что вы ожидали времени, когда вамъ можно будетъ
отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта
(отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ),—
этого я не зналъ, не могъ, да признаться не хотѣлъ-бы
знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши на-
мѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-
таки не нашелъ, въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней
есть; а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскор-
било душу.

Если-бы я далъ полную волю моему чувству, письмо
это скоро превратилось-бы въ толстую тетрадь. Я ни-
когда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ,
хотя я и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ
и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ
церемоніи, имѣя въ виду одну только правду. Неожи-
данное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность
высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ про-
тиву васъ, по поводу вашей книги. Я не умѣю гово-
рить въ половину, не умѣю хитрить — это не въ моей
натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я
ошибался въ моихъ о васъ понятіяхъ, я первый пора-
дуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что высказалъ
о васъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей лич-
ности, а о предметѣ, который гораздо выше не только
меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о
русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее
заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гор-
дымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно вели-
кихъ произведеній, то теперь вы должны съ истиннымъ
смиреніемъ, отречься отъ послѣдней вашей книги, и
тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями,
которыя напомнили-бы ваши прежнія".

Возврата, однако, для Гоголя уже не было. Настро-

нія его становились все безотраднѣе и мрачнѣе. Послѣдніе годы онъ былъ подъ вліяніемъ изувѣра о. Матвѣя, который заставлялъ Гоголя отречься даже отъ искусства. До сихъ поръ осталось невыясненнымъ, въ какой мѣрѣ на воззрѣнья Гоголя оказала вліяніе его болѣзнь, но одно безспорно: его знакомства и связи, отсутствіе живыхъ и задушевныхъ отношеній съ молодой Россіей въ лицѣ Бѣлинскаго, Герцена и недостатокъ серьезнаго образованія—вотъ главныя причины ужаснаго и безпримѣрнаго паденія великаго таланта. И послѣдція 8—10 лѣтъ жизни Гоголя прошли въ медленномъ и жалкомъ угасанія таланта и угнетеннаго собственной судьбой писателя; эти годы были безплодны въ литературномъ отношеніи.

Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы.

На хуторѣ близъ Диканьки сталъ отъ времени до времени показываться дьяволъ въ человѣческомъ образѣ, по имени Басаврюкъ. Откуда онъ пришелъ и куда уходилъ, никто не зналъ. Деньги у Басаврюка не переводились, и онъ шибко кутилъ съ казаками: „хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка, какъ вода"... Пристанетъ къ красивымъ дѣвушкамъ и задаритъ ихъ всякими подарками: и перстнями, и лентами, и бусами, и монистами. Боятся онѣ взять подарки, да страшно выраженіе недовольства на лицѣ Басаврюка; но подарки его сразу же говорятъ о томъ, что они даны нечистыми руками.

„Возьмешь подарокъ, но на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента".

Знали всѣ, что Басаврюкъ бѣсъ, но никто не могъ съ нимъ ничего сдѣлать; іерей, отецъ Аѳанасій, было вздумалъ посовѣстить Басаврюка, не ходившаго въ церковь даже и на Свѣтлое Воскресеніе, но Басаврюкъ ругнулъ его и посовѣтовалъ на будущее время „не вмѣшиваться въ чужія дѣла, если только онъ не хочетъ,

чтобы его козлинное горло было залѣплено горячей кутьей.“ Священникъ объявилъ всѣмъ, что всякого, кто спознается съ Басаврюкомъ, онъ будетъ считать врагомъ церкви.

Въ этомъ же самомъ селѣ жилъ казакъ Коржъ со своей красавицей дочерью Пидаркой и маленькимъ сыномъ Ивасей; Коржъ былъ богатъ и держалъ въ домѣ бѣднаго работника Петра, одинокаго, прекрасной наружности парня.

„Пріодѣлся бы Петръ въ новую жупань, да затянулся бы краснымъ поясомъ, да надѣлъ бы новую шапку изъ черныхъ смушекъ, то своей красотой превышалъ бы всѣхъ своихъ односельчанъ“—такъ говорили дѣвушки.

Пидарка, „щечки которой были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго свѣжаго розоваго цвѣта, брови,—словно черныя шнурочки... ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи, а волосы, черные, какъ крылья вороны, и мягкіе, какъ молодой ленъ... падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ, эта самая Пидарка полюбила бѣднаго Петра, уже давно не чаявшаго въ ней души. Но бѣдный работникъ, Петръ, не могъ разсчитывать на то, что отецъ Пидарки благосклонно отнесется къ ихъ взаимному чувству; Коржу нуженъ былъ богатый зять.

Впрочемъ, Коржъ не зналъ о взаимной любви Пидарки и Петра, и не узналъ бы еще долго, если-бы не опуталъ Петра бѣсъ, заставивъ, „не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовы губки казачки“ и такимъ образомъ открыть сердечную тайну Коржу, вошедшему въ сѣни въ этотъ самый моментъ.

Плохо бы пришлось Петру отъ гнѣва оскорбленнаго отца, если бы не упросилъ маленькій Ивась отца не бить Петра. Коржъ строго наказалъ Петру не только не пока-

зываться въ хатѣ, но даже и подъ ея окнами, а для большей убѣдительности „далъ онъ ему рукою толчокъ въ затылокъ, такъ что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ“.

Немного времени спустя въ домъ къ Коржу сталъ ходить богатый ляхъ; цѣль его посѣщеній для каждаго была очевидна: онъ сватался къ Пидаркѣ. Но дочь Коржа не переставала любить Петра и горько плакала о своей печальной судьбинѣ; она упросила Ивася сбѣгать къ Петру и разсказать ему все. „Скажи ему, говорила она брату, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилки. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата!—изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!“...

Какъ громомъ поразило Петра это извѣстіе. Онъ было собрался въ походъ въ Крымъ и Туречину, чтобы съ богатой добычей вернуться къ Коржу и богатыми дарами выпросить себѣ въ жены красавицу Пидарку, но планы его рушились. Съ горя пошелъ онъ въ шинокъ и сталъ глушить водку, какъ вдругъ передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ Басаврюкъ, звеня червонцами, висѣвшими у него въ мошнѣ возлѣ пояса. Петръ на все согласился-бы, лишь-бы раздобыть побольше золота, и Басаврюку ничего не стоило опутать своими бѣсовскими сѣтями душу христіанина, потребовавъ отъ него совершенія какого-то одного дѣла. Пересыпая на руку черновонцы, Басаврюкъ сказалъ: „А вѣдь и дѣла только одного потребуютъ за цѣлую гору такихъ цяцекъ“. Петръ согласился.

Хлопнули по рукамъ. „Смотри, Петръ, ты поспѣлъ какъ разъ въ пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о полночи въ Медвѣжьемъ оврагѣ“.

Томительно скучно текло время до вечера, и лишь только на землю спустился ночной мракъ, Петръ уже былъ на условленномъ мѣстѣ. Передъ ними стояло три пригорка, покрытыхъ цвѣтами, но они ихъ не должны были трогать. „Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, чтобы тебѣ позади ни чудилось“, сказалъ Басаврюкъ и изчезъ. Петръ въ точности исполнилъ предписаніе бѣса. Когда въ рукахъ у него очутился цвѣтокъ папоротника, онъ замѣтилъ на пнѣ Басаврюка. Раздался странный свистъ, отъ котораго „захолонуло у Петра внутри“, вскорѣ передъ нимъ показалась избушка на курьихъ ножкахъ. „Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась“. Изъ избы выбѣжала собачка, оборотившаяся въ кошку и стала кидаться имъ въ глаза. Басаврюкъ ругнулъ ее крѣпкимъ словомъ, и вмѣсто кошки передъ ними предстала безобразная, горбатая старуха съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и съ приподнятымъ кверху подбородкомъ; она вырвала цвѣтокъ у Петра, стала что-то нашептывать надъ нимъ и спрыскивать его водой; затѣмъ отдавъ его обратно Петру, приказала ему его бросить. Цвѣтокъ не сразу упалъ на землю, „но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ, делеко, далеко опустился онъ на землю“. И въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, надо было искать клада, въ томъ мѣстѣ, лежалъ кладъ, который долженъ былъ Петра сдѣлать богатымъ казакомъ и склонить Корися на его бракъ съ Пидаркой.

Сталъ Петръ вырывать кладъ, да кладъ не дается въ руки, и все дальше уходитъ въ землю.

„Нѣтъ не видать тебѣ золота, покамѣстъ не достанешь человѣческой крови“, сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею.

Петръ ужаснулся при одной мысли объ убіеніи невиннаго существа; она сдернула съ дитяти покрывало,

и передъ нимъ явился Ивась, со сложенными накрестъ ручками и съ опущенною на грудь головою.

Петръ было бросился на вѣдьму, чтобы расправиться съ ней за ея мерзкое дѣло, но бѣсъ уже опуталъ умъ Петра, и онъ пролилъ невинную кровь... Съ сознаніемъ ужаса всего происшедшаго, бросился Петръ бѣжать. И едва вбѣжалъ онъ въ свою хату, какъ упалъ на землю и проспалъ двѣ ночи безъ просыпу. Проснувшись, онъ ничего не могъ вспомнить, какъ только то, что ѣздилъ ночью въ лѣсъ искать клада, но какой цѣной достались ему тѣ мѣшки съ золотомъ, которые валялись теперь у него въ ногахъ,—не могъ онъ никакъ припомнить.

Петръ сталъ богатымъ казакомъ. Коржъ, видя его богатства, „разнѣжился". „Сякой такой Петрусь, немазанный! Да я ли не любилъ его? Да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?"

Пидарка расказала своему будущему супругу о томъ, что проходившіе цыгане украли Ивася, но Петръ не могъ даже вспомнить о его существованіи: „такъ обморочила его проклятая бѣсовщина".

Вскорѣ сыграли свадьбу, и Петрусь съ Пидаркой зажили спокойной жизнью. „Всего вдоволь, все блеститъ"...

Но на селѣ стали поговаривать о томъ, что не будетъ у нихъ добра отъ ихъ богатства, раздобытаго нечистымъ путемъ.

Всѣмъ показалось странно, что въ тотъ самый день, когда разбогатѣлъ Петрусь, Басаврюкъ пропалъ неизвѣстно куда.

Предположенія односельчанъ вскорѣ оправдались. Петръ сталъ грустить, и часто задумывался, какъ будто старался что-то припомнить. Напрасно Пидарка старалась разогнать мрачныя мысли, нарушавшія душевное спокойствіе Петра, видъ мѣшковъ съ золотомъ вновь возвращалъ его къ черной думѣ, онъ силился припом-

нить какъ все это было, какъ все это совершилось; но тщетны были его старанья; чѣмъ дальше, тѣмъ задумчивѣе и суровѣй становился Петръ. Прошло лѣто, промелькнула зима, наступила весна, а Петръ, какъ будто прикованный, все сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки съ золотомъ. Онъ оброс волосами, сталъ страшенъ, и, все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то, и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто дико поднимается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно забытое слово—и неподвижно останавливаются... „Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный, грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣрветъ комками волосы, покамѣстъ, утихнувъ не упадетъ, будто въ забытьи, и послѣ снова принимается припоминать, и снова бѣшенства и снова мука". Напрасно Пидарка употребляла всякія средства и рѣшилась, наконецъ, позвать къ Петру знахарку съ Медвѣжьяго оврага. Это было, какъ разъ наканунѣ Ивана Купалы. Петрусь лежалъ въ безпамятствѣ на кровати, когда къ нему въ хату вошли жена со знахаркой. Лишь только увидѣлъ Петръ знахарку, съ дикимъ крикомъ — „вспомнилъ, вспомнилъ", бросилъ въ нее изо всей силы топоръ. Старуха исчезла, а на мѣстѣ ея явился мальчикъ лѣтъ семи съ накрытою головою... Простыня слетѣла. „Ивась!" закричала Пидарка и бросилась къ нему; но привидѣніе все съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ"... Пидарка выбѣжала въ сѣни, но обратно въ хату войти она не смогла, — дверь захлопнулась за ней такъ крѣпко, что не подъ силу было отперетъ. На ея крикъ сбѣжались сосѣди и общими силами отворили двери; но въ хатѣ уже больше никого не было: отъ Петра осталась только куча пепла, еще не

переставшая дымиться, Ивась исчезъ, а золото въ мѣшкахъ превратилось въ „битые горшки“.

Всѣ дивились небывалому происшествію. Пидарка дала обѣтъ идти на богомолье, а затѣмъ постриглась въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей.

Послѣ таинственнаго происшествія съ Петромъ, на селѣ появился вновь пропавшій Басаврюкъ, но отъ него всѣ бѣгали, понявъ, что это бѣсъ, смущающій христіанскія души золотомъ, пріобрѣтеніе котораго толкаетъ на путь убійствъ, на путь пролитія невинной крови.

* *
*

„Вечеръ на Ивана Купала“— одно изъ раннихъ произведеній Гоголя, чуть-ли не первая напечатанная имъ вещь. Она вошла въ серію юношескихъ произведеній Н. В., его малорусскихъ сказокъ, проникнутыхъ поэзіей народной жизни, природы украіны, юморомъ. Въ этихъ произведеніяхъ Гоголь еще не опредѣлился какъ бытописатель и сатирикъ, но тѣмъ не менѣе въ малорусскихъ сказкахъ уже чувствуется по богатству художественныхъ образовъ, по мѣткому, сильному, поэтическому языку крупный писатель. Наибольшимъ достоинствомъ подобнаго рода произведеній является то, что въ нихъ Гоголь сумѣлъ передать всю свѣжую безъискусственную поэзію народныхъ повѣстей, преданій, легендъ, чудесно соединивъ сказку съ былью, т.-е. развивая сказочный мотивъ въ бытовой, хорошо схваченной обстановкѣ. Малорусская деревня довольно живо обрисовывается въ этихъ сказкахъ Гоголемъ, и схвачены многія характерныя черты деревенскихъ типовъ.

———— ———

Тарасъ Бульба.

Повѣсть „Тарасъ Бульба“ появилась въ свѣтъ одновременно со всѣми произведеніями, вышедшими подъ общимъ заглавіемъ „Миргородъ“ въ 1835 году, но перерабатывалась авторомъ вплоть до 1842 года. Позднѣйшая редакція этой повѣсти отличается отъ первоначальной только болѣе выпуклой обрисовкой Бульбы, какъ борца за самостоятельность Малороссіи. Ко времени появленія „Тараса Бульбы“ въ печати Н. В. усердно занимался изученіемъ исторіи Малороссіи не только по научнымъ трудамъ, но и по народнымъ пѣснямъ, дававшимъ ему матеріалъ для обрисовки избранной имъ исторической эпохи,—въ гораздо впрочемъ меньшей степени, чѣмъ объ этомъ думалъ самъ Гоголь.

Краткое содержаніе „Тараса Бульбы“.

Сюжетъ „Тараса Бульбы“ не сложенъ. Старый запорожецъ Тарасъ Бульба встрѣчаетъ своихъ двухъ сыновей, Остапа и Андрія, пріѣхавшихъ домой изъ кіевской „бурсы“. Жажда подвиговъ, неостывшій воинскій жаръ влечетъ Бульбу на новые подвиги; онъ беретъ съ собой своихъ сыновей и ѣдетъ въ Сѣчь, готовый при первомъ же случаѣ ринуться въ бой.—По пріѣздѣ въ Сѣчь недолго пришлось ему ждать осуществленія своихъ желаній. Запорожцы вскорѣ выступили въ новый по-

ходъ противъ утѣснительницы Польши. Въ войн
счастье первое время благопріятствовало запорожцам
и они одержали нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Н
долго не сдавался городъ Дубно, и запорожцамъ пр
шлось брать его голодомъ. Томительно долго шла осад
Жители города уже давно голодали, но не желали сд
ваться. Въ это время пришло извѣстіе съ Сѣчи, увѣд
мившее запорожцевъ, что Сѣчь разорена татарами. Над
было рѣшить сложный вопросъ—идти ли на выручк
Сѣчи и отбить у татаръ плѣнныхъ запорожцевъ—ил
же продолжать осаду города, гдѣ также томились плѣ
ные запорожцы. Запорожскія войска раздѣлились,—одн
часть ихъ, по настоянію Тараса, осталась у города, др
гая—отправилась въ погоню за татарами. Настаивать н
продолженіи осады Дубна Тарасъ имѣлъ и свою ли
ную причину. Младшій его сынъ измѣнилъ казачеств
изъ-за любви къ одной польской паннѣ; отецъ х
тѣлъ наказать сына, хотѣлъ смыть съ себя пятно, п
зоръ, виною котораго былъ его родной сынъ. Рука Т
раса не дрогнула, когда онъ поднялъ свое ружье, чтоб
лишить жизни свое дитя. Вскорѣ запорожцы потерпѣл
полное пораженіе... Сынъ Тараса и самъ старый Бульб
попали въ руки враговъ. Тарасу удалось бѣжать, Остап
же былъ заточенъ въ Варшавскую тюрьму и со дня н
день ждалъ казни.

Щемящая тоска заползла въ грудь Тараса, когд
онъ узналъ объ участи любимаго сына. Онъ рѣшил
во что бы то ни стало повидаться съ Остапомъ д
совершенія надъ нимъ казни. Но какъ быть? Польско
правительство обѣщало за его голову 2000 червонных
ѣхать во вражескую землю—значитъ быть готовымъ н
ежеминутную смерть. Тарасъ рѣшился пойти на вс
чтобы осуществить свое желаніе. При помощи одног
еврея, которому Тарасъ когда-то спасъ жизнь, онъ д
стигаетъ Варшавы, переодѣвается въ платье знатна

графа и пробирается въ ту тюрьму, гдѣ томится его Остапъ. Червонцы всюду оказываютъ свое дѣйствіе, стражи и тюремныя власти вопреки приказанію всѣ пропускали „вельможу“. Но свидѣться съ сыномъ въ тюрьмѣ не удалось Тарасу, онъ вышелъ изъ своей роли, вступился за „православную вѣру“, когда ее сталъ поносить тюремный гайдукъ. Онъ уже былъ на волосокъ отъ вѣрной погибели, онъ уже находился въ рукахъ польской власти, но и тутъ помогли червонцы. Казнь Остапа происходитъ на глазахъ отца. Мужественно, безропотно, подавляя нечеловѣческую боль, выноситъ Остапъ дикую казнь. Хрустятъ его кости, палачи вытягиваютъ изъ его тѣла жилы... „Слышишь-ли меня, отецъ!“—восклицаетъ Остапъ, и въ отвѣтъ раздается грозное „Слышу!“. Казнь сына пробудила въ Тарасѣ жажду страшной мести... Набѣги казацкихъ полковъ участились, запорожцы жгли, грабили польскіе города, убивали женщинъ, не щадили и малыхъ дѣтей... Вскорѣ счастье ему измѣнило; польскія войска обложили его въ одной полуразрушенной крѣпости на берегу Днѣпра, и гибель казацкаго войска были только дѣломъ времени. Тарасъ былъ схваченъ поляками и погибъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе повѣсти „Тарасъ Бульба“, но въ повѣсти-поэмѣ Гоголя гораздо болѣе, чѣмъ сюжетъ, интересны типы казаковъ и описаніе самой эпохи казацкихъ войнъ.

Тарасъ Бульба.

Тарасъ Бульба—дитя того грубаго вѣка, типъ, сложившійся въ виду тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ пребывалъ Юго-Востокъ Россіи. Мы не будемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что зачастую казачество обнажало свой мечъ, гонимое исключительно

явно корыстными побужденіями, что въ духѣ того вре
мени было молодеческое, безшабашное презрѣніе к
чужой собственности, что жажда подвиговъ переплета
лась у казаковъ съ жаждой легкой и богатой добычи

Странное по своему характеру „лыцарство", как
называли своихъ воиновъ запорожцы, оправдывалос
наличностью различныхъ историческихъ условій. Въ т
время (XVI в.) Украйна представляла собой яблок
раздора различныхъ націй и чуть-ли не ежедневн
должна была сама ограждать свою будущую судьбу
право на свое дальнѣйшее существованіе. Съ одно
стороны турки; съ другой—поляки и москали трево
жили Украйну; то одно, то другое государство созда
вало весьма неблагопріятныя жизненныя условія дл
украинцевъ, которымъ приходилось быть всегда н
сторожѣ, всегда съ оружіемъ въ рукахъ. Все эт
укрѣпляло въ малороссіянахъ воинственный духъ, за
каляло ихъ волю и энергію, съ другой же стороны—
развивало хищническіе, кровожадные инстинкты. С
теченіемъ времени борьба за экономическіе интересы
вызываемая покушеніями сосѣдей на ихъ землю
приняла другой оборотъ, когда вѣра и младші
братья—крестьянство стали терпѣть отъ еретическо
Польши, когда въ магометанскомъ Востокѣ запорожц
увидѣли своихъ религіозныхъ враговъ.

Тарасъ Бульба всецѣло унаслѣдовалъ черты своег
вѣка. Его безшабашная удаль, его жажда борьбы в
имя борьбы, его кровожадные инстинкты едва тольк
оправдываются высшими соображеніями—желаніемъ за
щитить свою вѣру. Вѣдь онъ, отправляясь въ Сѣчь
уже про себя рѣшилъ, что такъ или иначе, но необхо
димо затѣять войну; прочтите описаніе запорожско
рады, и вы увидите, что запорожскіе старосты иногд
кривили душой, искажали нѣсколько дѣйствительность
лишь бы добиться своего—объявленія новаго поход

противъ поляковъ. Жажда кровавой борьбы во имя борьбы, только въ концѣ повѣсти теряетъ нѣсколько свой хищническій характеръ у Тараса и получаетъ новое идейно-патріотическое содержаніе.

Тарасъ Бульба выше всего, конечно, ставитъ отвагу, беззавѣтную храбрость, воинскую честь, даже узы крови не остановили его смертоносной руки, когда сынъ измѣнилъ тому дѣлу, которому посвятилъ себя Тарасъ.

Въ семейной жизни онъ, какъ и всѣ запорожцы, безотвѣтный господинъ.

Въ семейной жизни его воля—для всѣхъ законъ, начиная съ жены и кончая послѣднимъ слугою. Образъ жены и матери въ повѣсти мастерски нарисованъ Н. В. Гоголемъ. Жена Тараса—безмолвное, безвольное, но доброе и мягкосердечное существо. Ея судьба, какъ и судьба всѣхъ украинскихъ женщинъ того времени, вызываетъ искреннее сочувствіе. Тарасъ когда-то женился на ней, красивой, стройной дѣвушкѣ, но воинскій пылъ скоро вырвалъ его изъ семейнаго очага; съ годами остывала его любовь къ ней, увядала ея красота, настоящее становилось однообразнымъ и скучнымъ—мысли ея обращались къ прошедшему, къ тѣмъ немногимъ минутамъ счастія, которыя безвозвратно прошли...

Весьма характерно, что запорожцы не допускали въ Сѣчь женщинъ, считая ниже достоинства воина любовь къ нимъ. Товарищество, вино и воинскіе подвиги не оставляли у запорожцевъ мѣста „нѣжнымъ“ чувствамъ.

Тарасъ Бульба, какъ и всѣ запорожцы, умѣлъ умирать. Смерть для нихъ не была ни ужасна, ни страшна, не страшила ихъ и казнь. Они съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ сносили ужаснѣйшія пытки.

Тарасъ Бульба суровъ, но зато умѣетъ справедливо наказать и справедливо помиловать.

Трудно съ точки зрѣнія нашихъ нравственныхъ понятій оправдать религіозное насиліе, тѣмъ бо-

лѣе трудно оправдать сыноубійство на религіозной почвѣ, но всякому, думаю, будетъ понятны тѣ причины, которыя не могли удержать Тараса отъ убійства Андрія. Какъ ни какъ Тарасъ вѣрилъ, что онъ стоитъ на правомъ пути, что то дѣло, которое онъ защищаетъ,—дѣло святое. Ему казалось высшимъ преступленіемъ перейти на сторону еретиковъ, что въ сущности сдѣлалъ Андрій; еще болѣе смягчается вина Тараса въ нашихъ глазахъ тѣмъ, что вѣдь переходъ Андрія на сторону поляковъ не явился слѣдствіемъ сознательнаго его отношенія къ религіозной борьбѣ, а лишь результатомъ горячности молодого сердца, молодого, сильнаго чувства любви. Суровый Тарасъ убилъ его своими руками, голосъ крови не удержалъ его отъ дикой кары...

Болѣе привлекательнымъ, несмотря на всю свою запорожскую предубѣжденность противъ „жидовъ“, является Тарасъ въ дѣлѣ спасенія еврея Янкеля отъ расправы казаковъ.

Янкелю, торговцу изъ предмѣстья Сѣчи, грозила смерть въ волнахъ Днѣпра. Тарасъ укрылъ еврея за услугу нѣкогда оказанную имъ его погибшему брату. И Янкель не остался въ долгу передъ Тарасомъ; онъ оказывалъ ему серьезныя услуги, служилъ ему преданно и честно.

Въ мести своей за смерть старшаго сына Остапа Бульба жестокъ до злодѣйства. Отцовское сердце не можетъ забыть полякамъ казнь сына, онъ уничтожаетъ огнемъ ихъ города, убиваетъ ихъ женъ и малыхъ дѣтей, не будучи въ состояніи насытиться всѣмъ зломъ, всѣми ужасами, чинимыми имъ. Таковъ Тарасъ Бульба, таковы и другіе запорожцы, выведенные въ повѣсти Гоголя.

Остапъ и Андрій, дѣти Тараса, хотя и получили одинаковое воспитаніе, тѣмъ не менѣе представляютъ два совершенно различныхъ характера. Остапъ во всемъ

похожъ на отца, характеръ Андрія мягче, внутренній міръ его тоньше и сложнѣе.

Оба брата получили свое образованіе въ бурсѣ, въ кіевской академіи, куда были отданы на двѣнадцатомъ году.

Всякій, я думаю, знаетъ, что представляла собою въ то время духовная академія, или какъ ее называли въ просторѣчіи — бурса. Это были тѣ просвѣтительныя учрежденія, которыя хотѣли тѣсно связать между собой тѣлесное наказаніе, схоластическую ученость и благочестіе въ духѣ православной церкви въ одно цѣлое и такимъ образомъ создать образованныхъ борцовъ съ уніей. На дѣлѣ же такая тройственная педагогическая система приносила не всегда желательные плоды. Схоластическая наука, которая усвоивалась только упорнымъ и безсмысленнымъ трудомъ заучиванія наизусть, многихъ отвращала отъ науки. Розги еще меньше помогали дѣлу, равно какъ и другія принудительныя мѣры, истинное благочестіе совершенно отсутствовало, и молодежь въ такой „воспитательной" атмосферѣ быстро развращалась...

„Голодная бурса, разсказываетъ Гоголь, рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмена изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака... Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались".

Многіе не выносили педагогическихъ пріемовъ бурсы и убѣгали въ Запорожье.

Остапъ въ первый же годъ своего пребыванія въ бурсѣ бѣжалъ, но, послѣ тѣлеснаго внушенія, былъ вновь водворенъ въ академію. Нѣсколько разъ бросалъ онъ свои учебники, зарывалъ „свой букварь" въ землю,

его сѣкли, покупали новый и вновь засаживали за книгу.

Борьба съ академическимъ начальствомъ способствовала тому, что въ Остапѣ выработался стойкій, упрямый и сильный характеръ. Въ бурсѣ онъ былъ хорошимъ товарищемъ, никого и никогда не выдавалъ, безропотно сносилъ наложенное на него взысканіе.

Въ послѣднее время ученія въ бурсѣ онъ сталъ усиленно работать, надѣясь вскорѣ выбраться изъ академіи и отправиться въ Сѣчь, тѣмъ болѣе, что отецъ въ случаѣ неоканчанія бурсы, грозилъ ему отдачей на долголѣтнее послушаніе въ монастырь. Тарасъ самъ когда-то многому учился и вѣрилъ въ силу знанія.

Меньшой его братъ Андрій, отличался болѣе сложной духовной структурой. Характеръ его былъ не столь твердъ, онъ былъ предпріимчивѣе брата, наука давалась легче. Онъ часто бывалъ зачинщикомъ различныхъ школьныхъ продѣлокъ и умѣлъ снять съ себя во-время подозрѣніе. На 18 году въ немъ стало пробуждаться новое молодое чувство, предвѣстникъ любви. Для Андрія наступила пора его романтизма, которую такъ охарактеризовалъ Языковъ въ слѣдующихъ стихахъ:

...Была пора:
Я обожалъ уста и очи,
Чего-то ждалъ съ утра до ночи,
О чемъ-то бредилъ до утра.

Смутный образъ женщины всталъ передъ Андріемъ. Онъ рѣже принималъ участіе въ товарищескихъ продѣлкахъ, бѣжалъ отъ шума, уединялся... Съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ, съ какой-то неопредѣленной тоской, съ какимъ-то нѣжнымъ влеченіемъ въ груди скитался онъ по улицамъ Кіева. Случай столкнулъ его съ дочерью Ковенскаго воеводы, съ молодой дѣвушкой прекрасной наружности.

Его повлекло къ ней... Совершенно невѣроятнымъ бразомъ свидѣлся онъ съ ней, и съ тѣхъ поръ образъ я глубоко запечатлѣлся въ его сердцѣ. Когда оба рата вступили въ дѣйствительную жизнь, дороги ихъ должны были неминуемо разойтись, различность ихъ характеровъ должна была немедленно сказаться на дѣлѣ.)стапъ, закалившійся еще въ суровыхъ условіяхъ бурацкой жизни, ринулся въ бой, забывъ все и вся. Онъ, какъ и отецъ Тарасъ, бился въ первыхъ рядахъ, совершалъ, какъ и старый Бульба, великіе подвиги мужества и храбрости, пренебрегая смертью. Счастье не улыбнулось ему, и онъ сложилъ свою молодую голову на плахѣ въ Варшавѣ, до послѣдней минуты ничѣмъ не омрачивъ стойкости своей натуры.

Иная судьба постигла Андрія. Въ тотъ самый моментъ, когда запорожское войско, среди котораго находился и онъ, осаждало городъ Дубно, онъ узналъ, что въ городѣ томится та самая польская дѣвушка, которая заронила въ его сердце страстную съ себѣ любовь. Дѣвушка эта заставила его покинуть казацкіе ряды и придти во вражскій городъ. Нѣжная душа Андрія не могла спокойно смотрѣть на тѣ лишенія, которымъ были обречены осажденные. Страшная картина голода предстала во всей своей полнотѣ передъ его глазами.

„Городъ, пишетъ Н. В. Гоголь, оглашался слабыми болѣзненными стонами, которые не могли не поразить Андрія. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ (Андрію и его спутницѣ) ужасный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку“...

Любовь взяла свое. Опьяненный чувствомъ любви, Андрій забылъ и отца, и воинскую честь, и дѣло, которому онъ служилъ: онъ остался во вражскомъ городѣ.

Польская дѣвушка поняла весь трагизмъ его положенія, она говорила ему объ отцѣ, о товарищахъ. Андрій не слушалъ ее. Она была для него дороже и отца, и брата и родины.

Конечно, Андрій, благодаря своей слишкомъ увлекающейся натурѣ, погрѣшилъ противъ требованій военной нравственности, такъ какъ никто не можетъ оправдать забвенія долга передъ родиной изъ-за любовнаго увлеченія, но онъ понесъ наказаніе, и образъ его все же не вызываетъ въ насъ дурныхъ къ нему чувствъ.

Запорожская Сѣчь. Высоко-художественной кистью писателя нарисовано „то гнѣздо, откуда вылетали гордые и крѣпкіе, какъ львы“, борцы за Украйну,—Запорожская Сѣчь. Помимо яркой, пластичной обрисовки природы Сѣчи, ея необъятнаго степнаго пространства, какъ живые встаютъ передъ нами запорожцы съ ихъ своеобразной и безпокойной жизнью.

Исторія Украйны, богатая различными рѣзко противоположными явленіями, совершенно обособленная отъ исторіи остальной части Россіи, въ виду экономическихъ и бытовыхъ условій жизни малороссіянъ,—неоднократно давала благодарный матеріалъ для нашихъ писателей и поэтовъ новаго времени. Пушкинъ, К. Ф. Рылѣевъ и другіе писатели не разъ обращались къ исторіи Малороссіи, чтобы изъ нея извлечь матеріалъ для своего поэтическаго творчества. Н. В. Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“ остановился на томъ моментѣ изъ исторіи казачества, когда благодаря уніи и религіозной нетерпимости католической Польши—запорожцы вступили въ открытый бой за вѣру съ „латинскими еретиками“.

Запорожская Сѣчь, возникшая въ XVI столѣтіи, находилась за Днѣпровскими порогами. Въ казачество уже давно уходило много оппозиціоннаго элемента, какъ изъ Украйны и Москвы, такъ и изъ Польши. Въ

ачалѣ своего возникновенія казачество не представляло обой сплоченной массы, руководимой какой-нибудь ысшей идеей, но съ теченіемъ времени оно поняло вою историческую роль: изъ плохо дисциплинированаго сброда, жаждавшаго воинскихъ подвиговъ и доычи, оно обратилось въ „товарищество", ставшее на ащиту православной вѣры, православнаго крестьянства тъ угнетательницы—польской шляхты.

Запорожская Сѣчь представляла собою товарищество ъ точномъ смыслѣ этого слова. Всѣ казаки были равны ежду собой, и каждый изъ нихъ имѣлъ право быть збраннымъ въ атаманы, начальники. Казаки дѣлились а полки—„курени" и каждый курень имѣлъ своего ачальника, „куреннаго атамана". Частная собственость не была сильно развита, и вся добыча, по выдѣеніи части на монастыри,—обыкновенно сдавалась на раненіе въ курень и являлась какъ бы общимъ достояніемъ. Всѣ курени вмѣстѣ составляли запорожское ойско, во главѣ котораго стоялъ ежегодно избираемый кошевой атаманъ". Кромѣ кошевого атамана, начальтво „старшинъ" составляли кошевой судья и писарь, оторые также избирались всѣмъ казачествомъ, собиавшимся на общее собраніе, „раду". Правильнаго голосованія при выборахъ, конечно, не могло быть, и ыборъ того или другого кандидата разрѣшался по сновамъ общаго впечатлѣнія. Иной разъ изъ-за кандидатовъ происходили схватки, и побѣда оставалась за ѣмъ изъ нихъ, чьи сторонники были многочисленнѣе. потому побѣждали своихъ противниковъ. Всякія рѣшенія санкціонировались исключительно всѣми запорожцами, всѣмъ „товариществомъ". Отъ „старосты" по стеченіи срока ихъ выбора казачество имѣло право ребовать отчета объ ихъ дѣятельности, требовать разичныхъ объясненій.

Часто они высказывали имъ свое неудовольствіе, но

бывали случаи, когда „рада“ избирала на слѣдующі годъ прежнихъ должностныхъ лицъ (чаще всего суді и писаря).

На сходку созывалось казачество литаврами, нахо дившимися на радовой площади; литаврами завѣдывал особый казакъ „довбишъ“, лицо, пользовавшееся осо бымъ почетомъ. Каждый годъ на радѣ помимо выбор „старшины“ происходилъ дѣлежъ различныхъ земел пастбищъ, рыбныхъ ловель. Все земельное богатств казаковъ, всѣ рыбныя ловли распредѣлялись по жребі между куренями, что по укоренившемуся обычаю н вызывало никогда никакихъ споровъ или ссоръ.

Интересно отмѣтить, что казачество не допускал въ Сѣчь женщинъ, и кошевое войско состояло исклю чительно изъ неженатыхъ казаковъ.

Хотя Сѣчь и являлась особой замкнутой организа ціей, „товариществомъ“, но доступъ въ это товарище ство былъ открытъ для каждаго православнаго христіа нина. Послѣднее условіе было единственно необхо димымъ, такъ какъ цѣлью существованія Запорожско Сѣчи была борьба съ иноплеменниками, борьба съ угне тателями православной церкви.

Современная Гоголю критика о «Тарасѣ Бульбѣ».

Сборникъ разсказовъ Н. В. Гоголя „Миргородъ“ был принятъ критикой весьма благосклонно.

Въ Москвѣ 1835 г. В. Г. Бѣлинскій замѣтилъ по по воду новыхъ разсказовъ Н. В., что они принадлежат къ числу самыхъ необыкновенныхъ явленій въ наше литературѣ и вполнѣ заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, ко торыми осыпаетъ ихъ восхищенная ими публика.

Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ въ томъ же году С. Шевыревъ, разбирая „Миргородъ“, писалъ, что „Та

съ Бульба“ выше всего. Этотъ дивный типъ запо-жца написанъ широкими и крупными чертами. Это ть одно изъ тѣхъ созданій, которыя отмѣчены пе-тью народности и глубоко врѣзываются на вообра-сніи читателя. Яркая картина запорожья свѣжа, нова, полнена какого-то удалого разгулья казачьяго. Эти ирокія степи Малороссіи съ ея чудною растительностью глощаютъ наше воображеніе“. Въ Телескопѣ того же“ да В. Г. Бѣлинскій, оцѣнивая повѣсти Н. В., при-аетъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ достоинства „великой эпохи изни цѣлаго народа“.

Съ чисто художественной точки зрѣнія „Тарасъ ульба“ и въ наши дни является произведеніемъ, кото-е можетъ доставить глубокое наслажденіе. Въ пер-мъ періодѣ творчества Гоголя это самое яркое и щное произведеніе. Поразительное богатство красокъ зсыпано въ описаніяхъ днѣпровскихъ степей, гдѣ битала Сѣчь; въ широкой и живой картинѣ схвачено порожье и обитатели сѣчи; полны движенія и силы цены битвъ, а страницы любви Андрія очаровательны о своей тонкости и изяществу. Въ общемъ—это одинъ зъ немногихъ перловъ нашей художественной лите-атуры.

Старосвѣтскіе помѣщики.

(Повѣсть).

Идиллическая повѣсть Н. В. Гоголя, «Старосвѣтскіе помѣщики», уноситъ насъ въ далекое, далекое время жизни малороссійскихъ помѣщиковъ, когда еще царило крѣпостное право и помѣщики жили безъ всякихъ заботъ о средствахъ къ существованію.

Гоголь запечатлѣлъ жизнь бездѣтной четы Афанасія Ивановича Товстогуба и Пульхеріи Ивановны Товстогубихи, жизнь спокойную, робкую, не омрачавшую чела ни Афанасія Ивановича, ни Пульхеріи Ивановны тяжелыми думами.

На первыхъ же страницахъ своей повѣсти, Гоголь высказываетъ свою любовь къ той уединенной, спокойной жизни, которой живутъ старосвѣтскіе помѣщики. «Желанія ихъ не перелетаютъ черезъ частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблоками и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиной и грушами».

Все, начиная съ домика старосвѣтскихъ помѣщиковъ и кончая тѣмъ гусемъ, который пьетъ на дворѣ воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ,

гусятами,—все для писателя имѣетъ свою прелесть, благодаря своей буколической простотѣ. Несомнѣнно усталому, утомленному человѣку, обреченному на тяжелую борьбу за существованіе, на сильную умственную работу, извѣдавшему различныя внутреннія перепетіи—жизнь Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны должна показаться какимъ-то земнымъ раемъ, можетъ заставить подумать, «что страсти, желанія и неспокойныя порожденія духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ»... Гоголь несомнѣнно списалъ своихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ съ натуры, въ періодъ его жизни въ Малороссіи ему приходилось съ ними сталкиваться, и воспоминаніе о нихъ живо сохранилось въ его памяти.

Познакомимся же ближе съ героями повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики».

Повѣсть застаетъ чету Товстогубовыхъ уже въ преклонномъ возрастѣ; мужу 60 лѣтъ, женѣ 55. Судьба не благословила ихъ дѣтьми... Въ одиночествѣ доживали они свой вѣкъ въ маленькомъ низенькомъ деревенскомъ домикѣ, представляющимъ собою старое, уютное, теплое гнѣздо. Комнаты въ немъ низки и сильно натоплены, такъ какъ хозяева любятъ тепло, полы въ комнатахъ глиняные, но такой чистоты, какой не бываетъ въ барскихъ хоромахъ, „лѣниво подметаемый господиномъ въ ливреѣ“. По стѣнамъ комнатъ красуются старыя, почернѣвшія и запачканныя мухами картинки въ узенькихъ золотыхъ рамкахъ, самаго случайнаго содержанія; обстановка комнатъ самая простая, старинная. Здѣсь вы найдете и массивные деревянные стулья, съ высокими точеными спинками, и громадные сундуки и печи, занимающія треть каждой комнаты... Всего же замѣчатель-

нѣе въ домикѣ были „поющія“ двери... Дверь, ведущая въ спальню пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну“!

Такое обыкновенное явленіе, какъ скрипъ дверей имѣлъ въ этомъ домикѣ свою особенную прелесть; писатель любилъ его и заставляетъ полюбить его читателя. Въ Гоголѣ, когда онъ былъ далеко отъ домика старосвѣтскихъ помѣщиковъ, скрипъ дверей вызывалъ цѣлую вереницу воспоминаній, переносилъ его въ деревню, въ уютныя комнаты, воскрешалъ въ немъ забытые годы молодости.

Въ комнатѣ Пульхеріи Ивановны находилась цѣлая кладовая. Тутъ были и мѣшки и мѣшечки, сундуки и сундучечки съ различными сѣменами, травами; тутъ же былъ сложенъ старый гардеробъ, валялись клубки разноцвѣтной шерсти. При домикѣ, конечно, была и барская кухня и всякія другія хозяйственныя учрежденія, при которыхъ пребывалъ цѣлый штатъ дворни...

Земля давала имъ хорошій урожай, и оба старичка могли совершенно не думать о завтрашнемъ днѣ, хотя имѣніемъ управлялъ приказчикъ, сильно обворовывавшій своихъ господъ. Старички не умѣли хозяйничать, хотя и дѣлали видъ, что слѣдятъ за управленіемъ имѣнія.

Пульхерія Ивановна всю свою хозяйственную внимательность и любовь сосредоточила на фруктовомъ садѣ, дававшемъ обильный урожай. Она цѣлыми днями варила варенья, пастилу и другія лакомства, сушила фрукты, грибы, дѣлала настойки.

Отсутствіе какихъ бы то ни было иныхъ интересовъ привело къ тому, что вся ея дѣятельность была поглощена приготовленіемъ разныхъ явствъ и кушаній.

Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна страшно любили поѣсть, но еще болѣе любили угощать своихъ гостей.

Стоило кому-нибудь перешагнуть порогъ ихъ дома, какъ сейчасъ же накрывался столъ, а на немъ появлялась цѣлая батарея водокъ, настоекъ и самыхъ разнообразныхъ блюдъ. Хозяева не любили отпускать своихъ гостей безъ ужина и всегда заставляли ихъ переночевать у себя, придумывая совершенно не убѣдительныя препятствія къ отъѣзду. Хозяева, впрочемъ, могли быть увѣрены, что пріѣхавшій съ гостемъ кучеръ уже наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

Дворня была распущена; она обворовывала и кладовыя, унося полотно, шерсть и пряжу въ ближайшій кабакъ, и не стѣсняясь хозяйничала въ хранилищахъ провіанта. Пульхерія Ивановна наваривала, насаливала, насушивала такую массу, говоритъ писатель, „что вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ... если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои“.

Афанасій Ивановичъ иной разъ отправлялся посмотрѣть на полевыя работы, но отъ этого, конечно, ничто не измѣнилось въ хозяйственномъ распорядкѣ. Супруги не были суровыми помѣщиками и не умѣли внушать къ себѣ страхъ въ своихъ подчиненныхъ и рабахъ.

Пульхерія Ивановна не разъ выговаривала

своимъ дѣвушкамъ за дурное поведеніе, но не наказывала виновныхъ, когда появились видимыя послѣдствія ихъ легкомыслія, ограничиваясь лишь выговоромъ. Приказчикъ и воры, ободренные снисходительностью хозяевъ, воровали во всю, продавали на ближайшей ярмаркѣ муку и только часть урожая шла въ господскую житницу; лѣсникъ вырубилъ чуть не всю столѣтную дубовую рощу, снабжая лѣсомъ сосѣднія казацкія мельницы; онъ былъ уличенъ, но Пульхерія Ивановна только пригрозила ему—тѣмъ дѣло и кончилось. Но и того, что осталось отъ расхищенія было слишкомъ достаточно для безпечной жизни.

День въ старосвѣтскомъ домикѣ удивительно однообразенъ. Супруги вставали очень рано и сейчасъ же пили кофе. Затѣмъ Афанасій Ивановичъ выходилъ на дворъ, гдѣ обыкновенно бесѣдовалъ съ вороватымъ приказчикомъ, обсуждая различныя хозяйственныя распоряженія, которыя необходимо было сдѣлать. Приказчикъ слушалъ его почтительно, но, конечно, ничуть не согласовалъ свои дѣйствія съ распоряженіями хозяина, разъ на всегда рѣшивъ, что на дѣлѣ онъ является полнымъ господиномъ положенія, которое необходимо использовать въ своихъ личныхъ интересахъ. Приказчикъ всегда такъ и поступалъ. Побесѣдовавъ съ приказчикомъ, Афанасій Ивановичъ возвращался въ комнаты и обсуждалъ вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной весьма важный вопросъ о томъ, что бы съѣсть. Супруги перечисляли всевозможныя яства и, сдѣлавъ выборъ, принимались за ѣду.

Передъ обѣдомъ Афанасій Ивановичъ вновь закусывалъ и выпивалъ „старинную серебрянную чарку водки“.

За обѣдомъ разговоръ шелъ обыкновенно только

о предметахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ блюдамъ. Обсуждалось достаточно ли того или другого кушанья, придумывались различныя сочетанія соусовъ и приправъ. Послѣ обѣда, по обычаю, сохранившемуся и до настоящаго времени въ купеческихъ семьяхъ, Афанасій Ивановичъ отправлялся поспать часикъ, другой. Вставъ Афанасій Ивановичъ съѣдалъ арбузъ, который приносила Пульхерія Ивановна, и еще нѣсколько грушъ и яблокъ и отправлялся вмѣстѣ съ супругой погулять по саду. Прогулка длилась недолго. Пульхерія Ивановна вскорѣ уходила хлопотать по своимъ дѣламъ, а Афанасій Ивановичъ садился, на крылечко и наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось на дворѣ. Потомъ слѣдовало закусыванье, вновь ужинъ и сонъ въ теплой комнатѣ.

Такъ проходилъ день старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Жизнь въ такихъ условіяхъ, которыя совершенно не способствовали освѣженію интересовъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, жизнь, которая скорѣе походила на прозябаніе на прохладномъ, но безлюдномъ островѣ, привела къ тому, что супруги прониклись суевѣріями, вѣрами въ цѣлебность различныхъ травъ, сѣмянъ, громадное значеніе придавали различнымъ примѣтамъ.

Каждая настойка, которой Пульхерія Ивановна угощала гостей, въ ея глазахъ имѣла опредѣленное цѣлебное свойство; ея монологъ, который она совершенно искренно произноситъ, рекомендуя свои старинныя издѣлія, можетъ насъ только разсмѣшить, Пульхерія Ивановна глубоко вѣрила въ то, что говорила. Пульхерія Ивановна подводитъ гостя къ закускѣ.

„Вотъ это, говорила она, снимая пробку съ гра-

фина: водка, настоенная на деревѣ и шаловѣ: если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это-то золототысячникъ; если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлается, то очень помогаетъ; и вотъ это перегонная на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ нибудь вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола и побѣжитъ на льбу гуля, то стоитъ только одну рюмку выпить передъ обѣдомъ — и все какъ рукой сниметъ; въ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало“ и т. д.

Дѣтское, до наивности примитивное міросозерцаніе чувствуется въ этомъ монологѣ.

Кругозоръ Афанасія Ивановича по своей широтѣ нисколько не уступаетъ кругозору Пульхеріи Ивановны. Въ повѣсти передъ нами отжившій старикъ, который, желая нѣсколько поразнообразить вечеръ со своей почти единственной собѣседницей, пугаетъ ее пожаромъ и тѣмъ самымъ заставляетъ свою супругу принимать различныя рѣшенія, смотря по тому, сгоритъ ли только домъ, или снаружи всѣ окружающія его постройки. Но было время, когда онъ служилъ въ кампонейцахъ и довольно ловко увезъ Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли выдать за него. — Время это безвозвратно прошло. Въ такой своеобразной жизни и могла произойти та тихая драма, которая траурнымъ флеромъ покрываетъ конецъ повѣсти.

Причины этой драмы могутъ показаться на первый взглядъ смѣшными, но то, что можетъ намъ казаться смѣшнымъ, несомнѣнно имѣло свое глубокое значеніе, могло повлечь за собою самыя разнородныя слѣдствія для Пульхеріи Ивановны.

Жизнь неразлучныхъ супруговъ была нару-

шена, благодаря весьма пустому случаю, разбившему, однако, всю безмятежность и, казалось, несокрушимое равновѣсіе старосвѣтскаго дома.

У Пульхеріи Ивановны была маленькая кошечка, которую она очень любила. Избалованное животное всегда лежало у ногъ своей хозяйки, свернувшись въ клубокъ. Пульхерія Ивановна ласкала ее, чесала ей за ухомъ, словомъ забавлялась ею. Случилось, однако, что эта кошечка въ одинъ прекрасный день пропала, и дворня не могла ея сыскать. Оказалось, что она отбилась отъ дому, сведя знакомство съ дикими котами, населявшими ближній лѣсъ. Пульхерія Ивановна потужила, да и позабыла о своей любимицѣ. Однажды, когда она обходила свой садъ, до слуха, ее донесся жалобный пискъ кошки: изъ ближнихъ кустовъ вышла ея старенькая кошка; видъ ея былъ жалокъ; она страшно отощала и производила впечатлѣніе проголодавшагося животнаго. Пульхерія Ивановна позвала ее и привела домой; она стала кормить кошку молокомъ и мясомъ; ея фаворитка съ страшной жадностью уничтожила пищу. Когда она наѣлась, Пульхерія Ивановна желала ее погладить, но одичалое животное вырвалось изъ рукъ ея, прыгнуло въ окно и скрылось. Дворня не могла ее поймать.

Суевѣрная Пульхерія Ивановна рѣшила, что въ образѣ кошки приходила за ней смерть. Старушка такъ увѣровала въ свое предположеніе, что стала давать окружающимъ различныя распоряженія о своихъ похоронахъ. Она призвала свою ключницу и завѣщала ей смотрѣть за Афанасіемъ Ивановичемъ.

„Смотри мнѣ, Явдока, говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла поз-

вать: „когда я умру, чтобы ты слѣдила за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза свои, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ, чтобы бѣлье и платье ты ему давала всегда чистыя, чтобы когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный... я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя".

Пульхерію Ивановну мучила мысль о томъ, что бѣдный спутникъ ея долгой жизни, останется сирымъ и безпріютнымъ.

Афанасій Ивановичъ дѣйствительно, былъ уже слабъ, старчески безпомощнымъ и за нимъ требовался самый тщательный уходъ.

Вскорѣ надъ нимъ разразилась страшная, житейская гроза: Пульхеріи Ивановны не стало.

Не трудно себѣ представить душевное состояніе Афанасія Ивановича.

Долгіе годы провелъ онъ со своей супругой, дѣля съ нею всѣ свои думы и мысли и вдругъ смерь отняла ее на всегда. Скорбь, тихая глубокая скорбь заполнила все существо старичка, дни котораго также уже были сочтены. Происшедшее поразило его до того, что онъ не въ состояніи былъ отдать себѣ сразу отчетъ, предвидѣть тотъ рѣдкій переломъ въ его жизни, который неизбѣжно долженъ былъ наступить. Машинально прощался онъ со старухой, какъ бы въ туманѣ шелъ за ея гробомъ, но когда ее опускали въ могилу, когда священникъ бросилъ первую горсть земли въ ея могилу, а могильщики стали быстро ее засыпать, Афанасій Ивановичъ подошелъ близко къ могилѣ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, быть можетъ повѣдать

окружающимъ о своей скорби, но онъ сказалъ нѣсколько словъ и не докончилъ своей рѣчи.

„Такъ вотъ это мы уже и погребли ее! зачѣмъ!..“ вотъ все, что онъ могъ сказать. Этими немногими словами выразилась вся душевная драма которая происходила внутри Афанасія Ивановича. Безсмысленно жестокимъ, необъяснимымъ казалось ему, что его лучшій другъ, рука объ руку съ которымъ онъ шелъ многіе и многіе годы, что та самая Пульхерія Ивановна, которая еще не такъ долго цѣлыми днями проводила въ хозяйственныхъ хлопотахъ, теперь болѣе уже не существуетъ, а прахъ ея зарытъ въ землю. Бѣдный старикъ, конечно, не могъ утѣшиться, такъ какъ старость, уже не видя ничего впереди, не можетъ найти забвенія.

Гоголь, рисуя то душевное настроеніе, въ которомъ находился Афанасій Ивановичъ по смерти своей супруги, сопоставляетъ это настроеніе съ драмой которую пережилъ одинъ молодой человѣкъ, когда безжалостная смерть вырвала изъ жизни его невѣсту, молодую дѣвушку поразительной красоты.

Пылкій молодой человѣкъ въ первые же минуты впалъ въ отчаяніе и дважды пытался лишить себя жизни, но все исцѣляющій врачъ-время разсѣяло молодого человѣка, охладило его грусть, вернуло его къ жизни. Не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ безвременная кончина его невѣсты стала для него далекимъ прошлымъ, и онъ соединилъ свою судьбу съ новой избранницей своего сердца.

Но Афанасія Ивановича ничто не могло утѣшить, онъ видѣлъ во всемъ, его окружавшемъ, отсутствіе Пульхеріи Ивановны; тихая скорбь его становилась все глубже и глубже. Въ домикѣ

своемъ онъ ощущалъ пустоту и одиночество, которое угнетало его.

Его жизненныя силы стали быстро исчезать; день ото-дня слабѣлъ онъ, становился забывчивымъ, для него наступала та пора, когда человѣкъ становится безпомощенъ, какъ ребенокъ...

Смерть Афанасія Ивановича не менѣе трогательна, чѣмъ смерть его супруги.

Однажды проходя по садику, Афанасій Ивановичъ, услышалъ, что его кто-то окликнулъ. Старикъ обернулся, осмотрѣлся вокругъ, но никого не видѣлъ. Онъ рѣшилъ, что тотъ таинственный голосъ, который звалъ его, голосъ его состосковавшейся супруги.

„Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!" произнесъ Афанасій Ивановичъ... „онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его, онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и, наконецъ, угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, чтобы могло поддержать жаркое ея пламя".

Старосвѣтскій домикъ отжилъ свое время. Какъ хищныя птицы набросился на него приказчикъ съ войтомъ и растащили по частямъ. Та выдержанная обстановка, которая давала извѣстный колоритъ всему домику, сообщая ему уютность стараго гнѣзда, очутилась въ избахъ дворни. Не лучше распоряжалась дворня съ хозяйствомъ, оставшемся безъ хозяина. Правда, вскорѣ по смерти Афанасія Ивановича прибылъ въ деревню новый хозяинъ, наслѣдникъ „старосвѣтскихъ помѣщиковъ", ихъ дальній родственникъ, но онъ не чувствовалъ никакой любви къ старому домику, не дорожилъ имъ. Всюду сталъ онъ заводить новые

порядки, которые вскорѣ привели къ тому, что пришлось имѣніе отдать въ опеку. Опека же, состоявшая изъ „одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ“, тоже не была на высотѣ своего призванія; она нисколько не помогла устранить положенія имѣнія; опекаемый пилъ вмѣстѣ со своими опекунами и почти совершенно не интересовался своимъ имѣніемъ, пришедшемъ въ полный упадокъ.

Такъ закончилась исторія „старосвѣтскаго домика“ и его обитателей, добродушныхъ старичковъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны.

Счастливая жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ—„идиллія“, была только кажущимся счастьемъ.

Внѣшнее довольство, сытость, отсутствіе тяжелаго труда—не даютъ еше счастья въ жизни. И повѣсть Гоголя говоритъ намъ объ этомъ краснорѣчивѣе Филосовскихъ трактатовъ. Жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ была полнымъ отрицаніемъ того, чѣмъ по существу должна быть жизнь человѣка, какъ разумнаго существа, созданнаго по образу и подобію Божію. Она была чужда интересовъ умственныхъ, художественныхъ, общественныхъ,—она была лишена благородной и закаляющей человѣка борьбы за идеалы, за лучшее будущее, она сводилась къ физіологическому прозябанію, — такая жизнь не можетъ дать человѣку счастья. Благополучіе такихъ людей призрачно, и ничтожная случайность—въ родѣ кошки, или какого либо предразсудка, разрушаетъ „счастье“, основанное только на призрачномъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе въ этой небольшой повѣсти Гоголя на то высокое совершенство его художественнаго слова, благодаря которому это

на первый взглядъ праздное, сытое и лѣнивое существованіе двухъ старичковъ обвѣвается дыханіемъ нѣжной поэзіи и даже красоты.

Введеніе въ разсказъ, — страницы, гдѣ описывается утопающая въ садахъ и цвѣтахъ живописная деревушка старичковъ, даетъ почувствовать всю прелесть свѣжей деревенской природы, на лонѣ которой протекаетъ мирная и безмятежная жизнь.

Гоголь былъ у насъ въ Россіи однимъ изъ первыхъ истинныхъ мастеровъ пейзажа въ прозѣ; его описанія поразительно мѣтки и полны новыхъ яркихъ образовъ, которые даютъ живое впечатлѣніе описаннаго уголка природы. Уже послѣ Гоголя—Тургеневъ, Чеховъ, Левитовъ давали тоже талантливыя воспроизведенія природы. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ съ особенной силой развернулъ этотъ свой даръ Гоголь, и страницы его описаній имѣютъ самостоятельное, высоко художественное значеніе. Вчитайтесь и вникните въ эти страницы, полныя поэзіи, онѣ какъ-бы приготовляютъ читателя къ той несложной исторіи жизни двухъ старичковъ, которая протекаетъ на лонѣ этой мирной природы.

Тихій элегическій тонъ, которымъ начинаетъ разсказъ Гоголь, проходитъ отъ начала до конца, и чувствуется въ этомъ разсказѣ грустное созерцаніе писателя, на глазахъ котораго маленькій островокъ безмятежной человѣческой жизни безслѣдно скрывается и утопаетъ... И какъ простъ весь этотъ разсказъ:—въ немъ—ни пышныхъ фразъ, ни громкихъ восклицаній. А между тѣмъ, какъ живыя встаютъ передъ вами—и усадьба стариковъ и самыя, Пульхерія Ивановна и Аѳанасій Ивановичъ... И подъ спокойнымъ разсказомъ объ ихъ отношеніяхъ и взаимной жизни чувствуется нѣжная нота

теплой человѣческой любви, горячей душевной привязанности, безъ которой человѣкъ умираетъ. Въ то же время обѣ фигуры героевъ Гоголя имѣютъ и типическое, общее жизненное значеніе,— такъ онѣ живы и характерны въ повѣсти великаго художника.

Ревизоръ.

Первоначальные наброски „Ревизора“ относятся къ 1834 году; сценическій текстъ былъ законченъ въ началѣ декабря 1835 г., а первое представленіе „Ревизора“ въ Петербургѣ было 19 апрѣля 1836 г. Нѣсколько позже появился „Ревизоръ“ въ печати, причемъ Гоголь не переставалъ его перерабатывать вплоть до 1842 года.

Первое представленіе „Ревизора“ вызвало самыя разнорѣчивыя мнѣнія о значеніи и достоинствахъ новой комедіи.

Одни не признавали за ней никакихъ достоинствъ, и содержаніе ея считали вреднымъ и преступнымъ; другіе вѣрно поняли значеніе сильной общественной сатиры въ комедіи Гоголя и отмѣтили ея достоинства.

„Въ театральномъ разъѣздѣ“ послѣ представленія новой комедіи Гоголь собралъ массу интересныхъ мнѣній, высказанныхъ послѣ представленія «Ревизора».

Дѣйствующія лица комедіи, все чиновники, люди власти и они подвергались безпощадному осмѣянію автора. Многимъ это обстоятельство показалось покушеніемъ на честь чиновничества.

Находили, что комедія „нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе

распространяется на всѣхъ“, что она колеблетъ „уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ“; что „теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ.... э.... пожалуй выведутъ.... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника....“

Другіе шли еще дальше, видя въ остальныхъ герояхъ комедіи оскорбленіе; они не соглашались съ тѣмъ, что комедія эта—„бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе!“ Нѣтъ, это не простая бездѣлушка, заявляли они; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ.

Словомъ, одни отнеслись къ комедіи враждебно, чуя въ ней безпощадную сатиру на приказный строй, другіе не поняли ея общественное значеніе и не съумѣли оцѣнить его.

Ѳ. Булгаринъ въ своей „Сѣверной Пчелѣ“ безповоротно объявилъ комедію вздорнымъ сочиненіемъ, но другіе критики, главнымъ же образомъ, В. Г. Бѣлинскій, дали ей должную оцѣнку, произвели надъ ней свой вѣрный и безпристрастный судъ.

„Ревизоръ“ былъ написанъ Гоголемъ въ то самое время, когда онъ подъ вліяніемъ А. С. Пушкина, „серьезно взглянулъ на дѣло, на свое творчество“.

„Я увидѣлъ, говоритъ въ своей Авторской Исповѣди Н. В., что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не знаю зачѣмъ. Если смѣяться такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія смѣющаго. Въ „Ревизорѣ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ

и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надо всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во всемъ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими годами".

Ревизоръ, такимъ образомъ, по признанью самого автора, явился первымъ произведеніемъ, въ которомъ Н. В. выступилъ какъ обличитель общественной неправды.

Если до настоящаго времени комедія Гоголя пользуется громаднымъ успѣхомъ, то, конечно, это лучшее доказательство тому, что въ „Ревизорѣ" Гоголя дано художественно-вѣрное изображеніе гнетущей нашей дѣйствительности.

Изложеніе комедіи.

Городничій, Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, получилъ отъ одного своего петербургскаго пріятеля извѣщеніе, что въ его городъ ѣдетъ ревизоръ инкогнито, съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно уѣздъ.

Городничій сейчасъ-же собралъ къ себѣ на совѣтъ всѣхъ видныхъ городскихъ чиновниковъ, чтобы сообщить имъ новость и принять, для защиты своихъ интересовъ, соотвѣтствующія мѣры, прибыли: попечитель богоугодныхъ заведеній, Артемій Филипповичъ Земляника; смотритель учи-

лищъ, Лука Лукичъ Хлоповъ; судья, Аммосъ Өедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ; частный приставъ, Уховертовъ; лѣкарь, Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ.

Сенсаціонное сообщеніе не мало смутило провинціальныхъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что за каждымъ изъ нихъ водились разные грѣшки, они совершенно растерялись и рѣшительно не знали, какъ должно объяснить командировку въ ихъ городъ ревизора. Судья высказалъ даже предположеніе, что пріѣздъ ревизора обусловливается политической необходимостью провѣрить благонадежность ихъ города, такъ какъ Россія задумала войну.

Однако, нельзя было терять, времени на различные догадки о цѣляхъ пріѣзда ревизора: онъ могъ явиться каждую данную минуту; а чиновникамъ нужно было, какъ можно скорѣе, скрыть, замести слѣды своей преступной должности.

Городничій счелъ необходимымъ напомнить о всѣхъ упущеніяхъ по ихъ вѣдомствамъ, такъ какъ „по своей части онъ кое-какія распоряженія сдѣлалъ".

Необходимо перемѣнить въ больницахъ бѣлье на больныхъ, которые находятся въ своихъ грязныхъ колпакахъ, ибо пріѣзжій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть богоугодныя заведенія.

„Въ передней, куда обыкновенно являлись просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряли подъ ногами; въ самомъ присутствіи высушивается всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ". Личный составъ суда тоже не можетъ похвастаться своей доброкачественностью, не можетъ надѣяться на благосклон-

ность ревизора. Засѣдатель такъ страшно пьетъ, что отъ него всегда несетъ, какъ будто бы онъ сейчасъ только вышелъ изъ винокуреннаго завода“ Лука Лукичу, смотрителю учебныхъ заведеній, также необходимо принять мѣры, чтобы какъ-нибудь не попасть въ весьма неловкое положеніе передъ ревизоромъ.

Особенно надо озаботиться о томъ, чтобы не вышло какой-либо непріятности изъ-за учителя исторіи, который хотя и не пьетъ, но имѣетъ много странностей. Онъ горячъ.

Городничій, который однажды присутствовалъ у него на урокѣ,—замѣтилъ, что онъ ученая голова, но только объясняетъ, съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя.

„Я разъ слушалъ его, сказалъ городничій: ну покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ!

Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ“.

Всѣ эти мелочи, конечно, можно было легко исправить, но были и болѣе важныя упущенія и прорѣхи, о которыхъ, какъ городничій, такъ и другіе чиновники благоразумно умалчиваютъ въ ихъ крайней щекотливости.

Къ концу совѣщанія пришелъ почтмейстеръ Шпекинъ, увѣдомленный уже о неожиданной новости городскимъ сплетникомъ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ.

Почтмейстеръ интересуется душевнымъ состоя-

ніемъ городничаго, за которымъ, какъ онъ зналъ, числится много грѣховъ и грѣшковъ.

Городничаго, по его собственному признанію, „слушаетъ купечество да гражданство“, съ которыхъ онъ „бралъ“, а потому и „пришелся имъ солоно“.

Тутъ же онъ проситъ почтмейстера слѣдить за отправляемой и получаемой корреспонденціей, и, въ случаѣ надобности, т. е. когда въ ней будетъ заключаться какое-нибудь „донесеніе“, сообщать ему. Почтмейстеръ, и раньше не отказывавшій себѣ въ удовольствіи перечитывать чужую корреспонденцію, охотно, „для блага дѣла“, соглашается на предложеніе городничаго.

Болтовня чиновниковъ, уже принявшая было обычный характеръ, была нарушена неожиданнымъ появленіемъ взволнованныхъ Добчинскаго и Бобчинскаго.

Они только что были въ трактирѣ и убѣдились въ томъ, что тамъ остановился ожидаемый ревизоръ. Онъ прибылъ изъ Петербурга, живетъ въ трактирѣ давно, уже двѣ недѣли, но денегъ не платитъ; подорожная его прописана въ Саратовскую губернію, а зовутъ его Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Бобчинскій и Добчинскій нисколько не сомнѣваются, что это тотъ самый чиновникъ, о которомъ „городничій изволилъ получить нотацію“.

Извѣстіе это какъ громомъ поражаетъ всѣхъ присутствующихъ; особенно взволнованъ городничій, который уже за время пребыванія ревизора въ его городѣ совершилъ массу проступковъ: высѣкъ совершенно незаконно унтеръ-офицерскую жену, арестантамъ не выдавалъ провизіи, не позаботился о надлежащей уборкѣ города, почему на улицахъ грязь, нечистоты.

Городничій рѣшается ѣхать къ Хлестакову, чтобы подъ предлогомъ заботливаго отношенія къ проѣзжающимъ, въ данномъ случаѣ къ Хлестакову, пріобрѣсти въ глазахъ псевдо-ревизора репутацію заботливаго и внимательнаго градоправителя.

Уже одѣваясь, Городничій отдаетъ различныя приказанія квартальному и частному приставу, цѣль которыхъ такъ или иначе скрыть свои преступленія. Онъ приказываетъ своимъ подчиненнымъ говорить пріѣзжему чиновнику, что мы службой своей довольны; случай ослушанія грозитъ взысканіемъ; его страшно безпокоитъ то обстоятельство, что кто-нибудь проболтается о церкви, которую, по рапорту, начали строить, да она сгорѣла, а на самомъ дѣлѣ вовсе и не приступали къ ея постройкѣ; онъ еще разъ напоминаетъ имъ о томъ, что надо говорить о церкви, чтобы они не разошлись съ его показаніями.

Извѣстіе о томъ, что городничій отправляется къ ревизору, взволновало также и его домашнихъ, жену, Анну Антоновну, и дочь, Марью Андреевну, но совершенно не по тѣмъ соображеніямъ, отъ которыхъ, не безъ основанія, потерялъ все присутствіе духа Антонъ Антонычъ; мать и дочь топило женское любопытство узнать, какъ выглядитъ пріѣзжій, съ усами ли онъ, или безъ; молодъ или старый; какіе у него глаза и цвѣтъ волосъ?

Въ тотъ моментъ, когда дочь и мать вошли въ у комнату, гдѣ происходило совѣщаніе, онѣ уже никого не нашли и очень досадовали на то, что имъ не удается такъ скоро удовлетворить свое женское любопытство.

Между тѣмъ положеніе Ивана Александровича Хлестакова въ гостиницѣ становилось весьма непріятнымъ. Онъ задолжалъ трактирщику, не имѣлъ возможности ему заплатить и потерялъ кредитъ. Все это узнается отъ крѣпостнаго слуги псевдоревизора, Осипа, который въ отсутствіи своего господина, лежитъ на постели и обсуждаетъ свое печальное положеніе.

Оказывается, что Иванъ Александровичъ по дорогѣ къ себѣ домой изъ желанія „показать себя въ каждомъ городѣ“ совершенно непроизводительно тратилъ деньги и въ концѣ концовъ еще проигрался. Въ Петербургѣ, гдѣ служилъ Хлестаковъ, онъ также „кутилъ„.

„Батюшка пришлетъ денежки, разсказываетъ Осипъ, чѣмъ бы ихъ поприддержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздить на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучый продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка, да шинелишка“.

Трактирщикъ, видя съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, рѣшилъ больше не отпускать Хлестакову ничего, пока онъ не уплатитъ за прежнее; онъ грозилъ даже ему пожаловаться городничему, что не мало смутило Ивана Александровича. Однако, кое-какъ Хлестакову удалось уломать хозяина дать ему въ послѣдній разъ пообѣдать.

Не успѣлъ трактирный слуга вмѣстѣ съ Осипомъ убрать со стола, какъ стало извѣстно о прибытіи городничаго въ трактиръ.

Вынося изъ комнаты посуду, Осипъ увидѣлъ городничаго, который освѣдомился объ его баринѣ.

Какъ долженъ былъ встрѣтиться городничій, убѣжденный въ томъ, что Хлестаковъ—ревизоръ, съ Хлестаковымъ, который былъ убѣжденъ, что пріѣздъ городничаго вызванъ жалобой на него хозяина гостиницы.

Побѣда должна была остаться за тѣмъ, кто менѣе растеряется и потому болѣе критически относется къ словамъ своего собесѣдника. Городничій сейчасъ же сталъ себя защищать отъ ложныхъ нападковъ, сталъ говорить о томъ, что бралъ взятки, исключительно потому, что „казеннаго содержанія не хватаетъ даже на чай и сахаръ“ и умолялъ Хлестакова не погубить его; онъ также отрицалъ передъ Хлестаковымъ свою виновность въ тѣлесномъ наказаніи „унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ“. Наконецъ, совершенно не желая повѣрить прямому смыслу слова Хлестакова, далъ ему „чтобы подмазать“ ревизора „вмѣсто двухсотъ рублей—четыреста, Хлестаковъ идетъ на все, смутно догадываясь о томъ, что его принимаютъ за кого-то другого.

Городничій, какъ опытный человѣкъ предлагаетъ ему осмотрѣть различныя общественныя заведенія, вполнѣ будучи увѣренъ, что въ настоящее время тамъ все приведено въ порядокъ, кромѣ того онъ большія надежды возлагаетъ на „размягченіе“ Хлестакова послѣ завтрака у Земляники, попечителя богоугодныхъ заведеній.

Осипъ перетаскиваетъ дорожный багажъ Хлестакова въ домъ городничаго, гдѣ для его барина уже отведена комната.

Ему помогаетъ слуга городничаго Мишка, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ личности Осипа, какъ къ лакею высокой особы, каковой онъ, какъ и всѣ окружающіе, считаютъ Хлестакова.

Между Осипомъ и Мишкой происходитъ весьма любопытный разговоръ.

Осипъ. Ахъ ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дяденька, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ Вашъ.

Осипъ. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что-жъ это, больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты я вижу, проворный парень; приготовъ-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дяденька, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушать отпустять.

Осипъ. Ну, а простого что у васъ есть?

Мишка. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи кашу да пироги! Ничего, все будемъ ѣсть...

Вскорѣ пріѣзжаетъ и самъ Хлестаковъ съ городничимъ, попечителемъ богоугодныхъ заведеній, смотрителемъ училищъ и съ Добчинскимъ и Бобчинскимъ.

Онъ, видимо, хорошо позавтракалъ и успѣлъ порядкомъ выпить.

Онъ очень доволенъ осмотромъ различныхъ общественныхъ заведеній и завтракомъ, которымъ его угостили.

Ему нравится, что въ этомъ городѣ ему показали все, тогда какъ въ другихъ городахъ этого не дѣлаютъ.

Городничій пользуется такимъ направленіемъ мыслей псевдо-ревизора, чтобы подчеркнуть свои добродѣтели, заявляя, „что въ другихъ городахъ градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностью заслужить вниманіе начальства“.

Хлестаковъ припоминаетъ, что онъ, очевидно, завтракалъ, въ богоугодномъ заведеніи, такъ какъ тамъ стояли кровати; какъ ему показалось, больныхъ было не много.

Артемій Филипповичъ, попечитель богоугодныхъ заведеній, также желая обѣлиться передъ Хлестаковымъ-ревизоромъ, заявляетъ, что въ больницѣ осталось человѣкъ десять не больше, а прочіе всѣ „выздоровѣли“; вообще больные у него быстро выздоравливаютъ, что достигается „не столько медикаментами, какъ честностью и порядкомъ“. Игривость настроенія Хлестакова мало по малу, начинаетъ сказываться. Его очень интерисуетъ узнать, „нѣтъ ли въ городѣ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, поиграть въ карты“.

Вполнѣ понятный для Хлестакова, проигравшагося въ одномъ изъ городовъ, вопросъ пріобрѣтаетъ совершенно другое значеніе въ глазахъ городничаго.

Хлестаковъ, ревизующій чиновникъ, думаетъ Антонъ Антоновичъ, хочетъ вывѣдать у него, процвѣтаетъ ли въ городѣ карточная игра. Поэтому онъ прикидывается агнцомъ, говоритъ, „что ни-

когда въ рукѣ не бралъ картъ; разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроить будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ.

Между тѣмъ онъ только вчера „выпонтировалъ" у Луки Лукича сто рублей.

По всей вѣроятности, еще долго велся бы подобный разговоръ между Хлестаковымъ, городничимъ и другими чиновниками, если бы въ комнату не вошло семейство градоправителя, т. е. его жена и дочь.

Хлестаковъ, все болѣе и болѣе хмѣлѣвшій, расточаетъ комплименты пожилой кокеткѣ городничихѣ, которая приходитъ въ восторгъ отъ „свѣтскаго обращенія петербургской „штучки", затѣмъ, начинается вдохновенное вранье Хлестакова.

Онъ-де не занимается въ Петербургѣ только „перепиской". Нѣтъ онъ съ начальникомъ отдѣленія на дружеской ногѣ, бываетъ у него часто на обѣдахъ. Онъ только на нѣсколько мгновеній заходитъ въ департаментъ, чтобы дать нѣкоторыя распоряженія. Его всѣ знаютъ и уважаютъ, хотя онъ не любитъ никакихъ церемоній, не любитъ, когда на его особу обращаютъ особое вниманіе; гдѣ бы онъ не находился, сейчасъ же говорятъ: вотъ это Иванъ Александровичъ. Съ нимъ былъ даже однажды прекурьезный случай: его приняли за главнокомандующаго.

Онъ близокъ также къ литературному міру, даже съ Пушкинымъ на „дружеской ногѣ". Пишетъ въ журналахъ но больше по прозьбѣ пріятелей, чѣмъ по собственной охотѣ. „Все это, что было подъ именемъ барона Бромбеуса, Фрегатъ Надежду и Московскій Телеграфъ, все это писалъ онъ". Онъ

даже объявилъ себя авторомъ „Юрія Милославскаго“, но тутъ вышло маленькое недоразумѣніе, такъ какъ дочь городничаго отчетливо помнила, что „Юрій Милославскій“ произведеніе г. Загоскина. Хлестаковъ не смущается. „Ахъ, да, это правда, сказалъ онъ: это, тотъ—Загоскина, а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой“. Его собесѣдники повѣрили ему.

Чѣмъ дальше, тѣмъ мысли его болѣе путались, чѣмъ больше онъ пьянѣлъ, тѣмъ болѣе онъ фантазировалъ.

Зашла рѣчь о жизни въ Петербургѣ, о той роскоши и вкусѣ, съ какими даются тамъ балы.

„Просто не говорите, сталъ разсказывать Хлестаковъ. На столѣ, напримѣръ, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; открыть крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ, тамъ какъ шмели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министры... Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ неизвѣстно. Ну натурально пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ бывало—нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотришь—просто, чертъ возьми! Послѣ видятъ нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ

однихъ курьеровъ! Каково положеніе я спрашиваю? „Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять“. Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, подумалъ, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю“, говорю; „такъ и быть“, говорю: „я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! уже я:“ И точно: болѣю, какъ прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясенье, все дрожитъ и тресется, какъ листъ. О я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задамъ остраску. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ... „Я самъ себя знаю, самъ“. Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу... Меня завтра же произведутъ въ фельдмарш...“

Но тутъ языкъ окончательно измѣнилъ Хлестакову; городничій, весь трясясь отъ рѣчи произнесенной Хлестаковымъ, бережно уводитъ его отдохнуть въ приготовленную для него комнату.

Хлестаковъ своимъ пьянымъ бредомъ еще болѣе упрочилъ среди чиновниковъ, убѣжденіе, что онъ ревизоръ, и чинъ имѣетъ небывалый.

Бобчинскій былъ убѣжденъ, что „генералъ-то ему и въ подметки не станетъ“; онъ по всей вѣроятности „если генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ“.

Дамы также остались въ восторгѣ отъ тонкаго обращенія столичной штучки.

Городничій еще болѣе укрѣпился въ томъ мнѣніи, „что Хлестаковъ давеча долго крѣпился въ трактирѣ, заламливалъ въ трактирѣ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не до-

бился толку; а вотъ, наконецъ, и подался". Онъ рѣшилъ, что необходимо недопустить къ ревизору просителей, которые несомнѣнно найдутся, пожелавъ привести жалобы на обиды, учиненныя имъ, городничимъ.

Для этой цѣли онъ поставилъ у крыльца своего дома квартальныхъ Держиморду и Свистунова съ строгимъ наказомъ никого не пропускать къ Хлестакову.

„Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбой, а хотя и не съ просьбой, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ на меня просьбу, сказалъ Городничій квартальнымъ, въ-зашей такъ прямо и талкайте!.."

Тѣмъ временемъ чиновники собираются представляться ревизору-Хлестакову, Въ полномъ параде и мундирахъ собираются они въ домъ городничаго. По инициативѣ Артемія Филипповича Земляники, попечителя богоугодныхъ заведеній, чиновники рѣшаютъ „подсунуть" ревизору, иначе говоря, задобрить взятками. Начинается представленіе.

Хлестаковъ, выспавшись, не успѣлъ войти въ смежную комнату, какъ является судья, рекомендующій себя Коллежскимъ ассесеромъ Ляпкинымъ Тяпкинымъ. Хлестаковъ освѣдомляется о его службѣ, причемъ судья не упускаетъ случай упомянуть, что за три трехлѣтія представленъ къ Владимиру 4 степени. Совершено оробѣвъ, судья выпускаетъ изъ рукъ деньги; это замѣчаетъ Хлестаковъ, который проситъ дать ему эти деньги въ долгъ, такъ какъ онъ-де въ дорогѣ издержался, но изъ деревни онъ ему сейчасъ-же вышлетъ.

Судья считаетъ для себя счастьемъ служить начальству, подаетъ деньги и, освѣдомившись у

Хлестакова, не будетъ-ли какихъ нибудь приказаній здѣшнему уѣздному суду, удаляется.

Затѣмъ является почтмейстеръ Шпекинъ, смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ, попечитель богоугодныхъ заведеній Артемій Филипповичъ Земляника, и наконецъ Добчинскій и Бобчинскій. Всѣ они очень перепуганы, стараются выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ и не отказываютъ Хлестакову въ деньгахъ, которыя онъ беретъ въ займы, повторяя каждому, что по дорогѣ издержался, но по пріѣздѣ въ деревню всѣмъ онъ уже вышлетъ свой долгъ.

По окончаніи пріема чиновниковъ у Хлестакова не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что его принимаютъ за государственнаго человѣка. Ему кажется это весьма забавнымъ и онъ не можетъ удержаться, чтобы тотчасъ-же не написать обо всемъ происшедшемъ своему пріятелю въ Петербургѣ, который «подписываетъ статейки и можетъ всѣхъ чиновниковъ общелкать.»

На зовъ Хлестакова является Осипъ. Онъ приноситъ чернила и бумагу. Ему тоже стало яснымъ. что его барина принимаютъ за кого-то другого, а потому онъ ему совѣтуетъ, какъ можно скорѣе уѣхать. Хлестаковъ дописываетъ письмо къ пріятелю и, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ своего слуги, даетъ ему приказаніе немедленно привести лучшую курьерскую тройку, сказавъ почтмейстеру, что «прогонъ, молъ, казенный и отдать письмо на почтѣ безъ денегъ“.

Между тѣмъ къ подъѣзду дома городничаго стали собираться „просители, и квартальнымъ не удалось ихъ разогнать. Къ Хлестакову пришли купцы жаловаться на обиды, которыя они терпѣли отъ городничаго. Онъ-де ихъ совсѣмъ замо-

рилъ постоемъ, хоть въ петлю полѣзай. „Все что, ни понравится ему въ лавкѣ велитъ тащать къ себѣ, хотя купцы никогда не отказываются отъ подношеній супружницѣ или дочери его на платья. Приходится все прятать въ лавкѣ, когда завидятъ городничаго. Онъ выдумалъ даже дважды въ году праздновать свои именины и на Антона и на Онуфрія, и все это съ исключительною цѣлью выманить у купцовъ побольше различныхъ подношеній.

Хлестаковъ возмущается безчестнымъ поведеніемъ городничаго; купцы просятъ заступиться за нихъ и кланяются ему сахарцомъ и кузовкомъ вина. Хлестаковъ отказывается отъ такого подношенія, но проситъ у нихъ взаймы рублей триста. Купцы соглашаются дать даже пятьсотъ, лишь бы онъ помогъ имъ въ ихъ бѣдѣ. Въ концѣ концовъ Хлестаковъ беретъ и сахаръ и вино и деньги и серебрянный подносъ, на которомъ ихъ ему поднесли.

Купцовъ смѣняютъ двѣ крайне взволнованныя женщины, которыя ему кланяются въ ноги. Онѣ также жертвы произвола городничаго. Одна изъ нихъ унтеръ-офицерская жена Иванова, другая слесарша, мѣщанка Февонія Петрова Пошлепкина.

Городничій, какъ оказывается, забрилъ лобъ мужа слесарши, не имѣя на это никакого права. Слесарша пришла искать у Хлестакова управы на градоправителя.

«Слѣдовало взять сына портного, разсказываетъ слесарша, онъ же и пьянчишка былъ, да родители богатые подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеева, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ

онъ ко мнѣ. «На что, говоритъ, тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится»... „Онъ“ говоритъ „воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно“, говоритъ, „онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты“. Такъ и забрилъ. Хлестаковъ кое-какъ избавляется отъ слесарши и вынужденъ выслушать новый потокъ жалобъ на городничаго изъ устъ высѣченной унтеръ-офицерской вдовы. Его начинаетъ осаждать цѣлая толпа просителей, но онъ уже болѣе никого, не желаетъ принимать.

Передъ отъѣздомъ своимъ Хлестаковъ начинаетъ флиртъ съ Марьей Антоновной и Анной Андреевной и въ концѣ концовъ проситъ руки у дочери городничаго. Городничій, узнавъ о томъ, что у „ревизора“ были всевозможные жалобщики, и репутація его безнадежно запятнана, бѣжитъ къ Хлестакову оправдываться.

Но Ивану Александровичу уже нѣтъ никакого дѣла до городничаго, его купцовъ-мошенниковъ и слесарши, онъ влюбленъ въ Марью Антоновну и проситъ у ея родителей благословенія. Городничій совершенно растерялся и окончательно не знаетъ, происходитъ ли все это во снѣ, или на яву.

Благословеніе, однако, дается, и женихъ отправляется „на одну минуту, на одинъ день къ дядѣ, который очень богатъ“, а завтра же обѣщается вернуться. Иванъ Александровичъ беретъ еще четыреста рублей взаймы у своего будущаго тестя, трогательно прощается со своей невѣстой и уѣзжаетъ.

Городничій съ супругой прямо опьянены тѣмъ счатьемъ, которое къ нимъ привалило. Ихъ будущее, благодаря такому блестящему замужеству

Марьи Антоновны, сулитъ имъ довольство, почетъ, счастее.

Городничій уже рѣшилъ, „что теперь можно большой чинъ зашибить, потому что Хлестаковъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ“. Онъ даже обсуждаетъ съ Анной Андреевной вопросъ о томъ, какую кавалерію повѣсятъ ему черезъ плечо, красную или голубую.

Почувствовавъ подъ собою почву и будучи уже совершенно убѣжденъ, что онъ теперь не уязвимъ, такъ какъ ревизоръ — женихъ его дочери, городничій велитъ призвать къ себѣ жалобщиковъ-купцовъ, чтобы сдѣлать имъ соотвѣтствующее внушеніе.

„Знаете-ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? говоритъ городничій пришедшимъ купцамъ, „что теперь скажете? Теперь я васъ!...“ Городничій до того напугалъ купцовъ, что они просятъ его не губить ихъ, хотя ихъ преступленія, ни чуть не меньше преступленій самого градоправителя; но они научены горькимъ опытомъ, и знаютъ, что правда всегда не на ихъ сторонѣ.

Городничій объявляетъ себя незлопамятнымъ человѣкомъ, но предупреждаетъ ихъ, что они должны озаботиться о хорошемъ подношеніи ко дню свадьбы его дочери, которая выходитъ замужъ „не за какого-нибудь простого дворянина“.

Тѣмъ временемъ слухъ о неожиданномъ счастьѣ, выпавшимъ на долю городничаго съ быстротой молніи облетаетъ весь городъ; всѣ городскіе чиновники и знакомые городничаго спѣшатъ прійти его поздравить.

Приходитъ Аммосъ Федоровичъ, Артемій Филипповичъ, Ростоковскій; Коробочкинъ съ женою,

Люликовъ, Бобчинскій и Добчинскій и многіе другіе. Городничиха и городничій разсказываютъ въ мельчайшихъ подробностяхъ о предложеніи, сдѣланномъ Хлестаковымъ ихъ дочери; гости проникаются все большимъ и большимъ уваженіемъ, предвидя блестящее будущее, которое ждетъ ихъ градоправителя.

Но вскорѣ для всѣхъ должно было настать горькое разочарованіе.

Почтмейстеръ, точно исполнявшій порученіе городничаго о просмотрѣ входящихъ и исходящихъ писемъ, перехватилъ письмо Хлестакова, въ которомъ онъ объяснялъ, что въ этомъ городѣ его приняли за кого-то другого, что онъ пребываетъ теперь въ домѣ городничаго и волочится какъ за его женой, такъ и за дочерью; попутно онъ даетъ далеко не лестную характеристику всей мѣстной бюрократіи.

Почтмейстеръ не замедлилъ явиться къ городничему съ письмомъ, которое и стали читать въ присутствіи всѣхъ гостей.

Отчаяніе, охватившее всѣхъ чиновниковъ и досада за свою собственную близорукость не поддаются описанію. Больше всѣхъ дурачилъ самъ городничій. Онъ никакъ не можетъ объяснить себѣ, почему онъ „принялъ сосульку, тряпку за порядочнаго человѣка“.

Какъ могъ онъ говорить, что Хлестаковъ—ожидаемый ревизоръ.

Въ это время въ комнату, гдѣ собрались гости, входитъ жандармъ, заявляя, что „пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ всѣхъ чиновниковъ сейчасъ же къ себѣ“.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Ревизорѣ".

Самъ по себѣ Александръ Ивановичъ, Хлестаковъ не представляетъ рѣшительно ничего заслуживающаго вниманія, самъ по себѣ онъ не можетъ быть даже микроскопической моральной силой, но зато окруженный, по близорукости и запуганности провинціаловъ, ореоломъ „вельможи", „ревизора" онъ заставляетъ городничаго и другихъ представителей власти подвести итоги своей дѣятелности, припомнить все свое преступное прошлое и не безъ страха обратить свои взоры на ближайшее будущее. А съ другой стороны и Петербургъ—для городничаго страна таинственная, полная самыхъ неожиданныхъ возможностей.

Усвоивъ себѣ эту точку зрѣнія, мы вполнѣ поймемъ „промахъ" не глупаго городничаго, принявшаго „сосульку, тряпку за порядочнаго человѣка".

Вотъ какъ характеризуетъ городничаго самъ Гоголь:

„Онъ, говоритъ писатель, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ груборазвитыми склонностями души"...

Стоитъ прослѣдить съ самаго начала комедіи всю душевную тревогу городничаго, всѣ изгибы его несложной психики и передъ нами, какъ живой выростетъ этотъ художественно схваченный типъ дореформеннаго быта Россіи.

Сквозникъ-Дмухановскій долго „тянулъ свою

лямку“, пока дослужился до городничаго. Долгая служебная карьера выработала изъ него обычный типъ чиновника, вся житейская философія котораго сводится къ низкопоклонству передъ старшими и чиновными лицами, взяточничеству, и презрительному грубому отношенію къ младшимъ, низшимъ и подчиненнымъ.

Долго онъ сидѣлъ на мѣстѣ градоправителя и не мало совершилъ онъ на своемъ вѣку маленькихъ грѣшковъ и большихъ грѣховъ. Бралъ взятки, необходимость которыхъ обусловливалась незначительностью казеннаго жалованья, обкрадывалъ тѣми или иными путями казну, утѣшая себя тѣмъ, что не онъ первый, не онъ послѣдній грѣшенъ тѣмъ-же. Но вотъ получается извѣстіе, что на ревизію въ его городъ отправленъ инкогнито чиновникъ — и безмятежности городничаго нанесенъ страшный ударъ. Мысль о ревизорѣ преслѣдуетъ его денно и нощно, лишаетъ совершенно душевнаго покоя.

Ни на чемъ не основанное предположеніе городскихъ сплетниковъ Добчинскаго и Бобчинскаго, конечно, уже освѣдомленныхъ о полученномъ городничемъ „извѣстіи“, что тотъ молодой чиновникъ изъ Петербурга, который остановился въ гостиницѣ, беретъ все въ счетъ, ни копейки не платитъ и дорога которому лежитъ въ Саратовскую губернію — ожидаемый ревизоръ, сразу-же пріобрѣтаетъ въ воображеніи городничаго характеръ несомнѣнно правдиваго факта.

Онъ такъ напуганъ надвигающейся грозой, такъ плохо владѣетъ собою, что можетъ Богъ знаетъ, кого принять за ревизора.

Напрасно мы будемъ надѣяться, что встрѣча съ Хлестаковымъ въ трактирѣ сможетъ его разу-

бѣдить въ основательности его убѣжденія. Городничій увѣренъ, въ томъ, что ревизоръ пойдетъ на всякія уловки, будетъ разыгрывать различныя роли, чтобы только не выдать свою персону, чтобы сохранить свое инкогнито, столь необходимое для наблюденія за мѣстными властями.

Хлестаковъ, полагающій, что городничій явился по приглашенію трактирщика, чтобы такъ или иначе взыскать съ него деньги, теряетъ все присутствіе своего духа при входѣ городничаго.

Онъ съ первыхъ же словъ заявляетъ градоправителю, что доплатитъ деньги трактирщику, но что у него въ настоящее время ихъ нѣтъ: приходится ждать, пока не пришлютъ изъ деревни; онъ жалуется ему, что въ трактирѣ его кормятъ очень скверно; далѣе онъ разсказываетъ о своей службѣ въ Петербургѣ и о тѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ его ѣхать въ деревню къ отцу.

Хлестаковъ вовсе не выдумываетъ, не рисуется, ему и въ голову не приходитъ, что городничій видитъ въ немъ ревизора и говоритъ совершенно искренно. Но есть у насъ старая, но вѣрная пословица, что у страха глаза велики; въ страхѣ человѣкъ все преувеличиваетъ, и самыя обыкновенныя явленія перетолковываетъ чудовищнымъ образомъ.

Тоже самое случилось съ городничемъ; онъ не вѣритъ въ прямой и дѣйствительный смыслъ словъ Хлестакова; между тѣмъ какъ тотъ даже сталъ говорить ему о своихъ грѣшкахъ, и просить себѣ пощады. Городничій съ удовольствіемъ дастъ взаймы псевдо-ревизору, и почитаетъ себя дѣйствительно счастливымъ, когда Хлестаковъ соглашается переѣхать къ нему въ домъ.

Старый служака моментально соображаетъ

планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Взятками и виномъ онъ думаетъ завоевать себѣ и другимъ представителямъ власти, у которыхъ тоже рыльце въ пушку, благорасположеніе псевдо-ревизора. Хлестаковъ скоро акклиматизировался у него въ домѣ, послѣ того, какъ съ пьяныхъ глазъ намололъ всей городской бюрократіи о какихъ-то своихъ связяхъ съ дипломатіей въ Петербургѣ и о томъ страхѣ, въ которомъ держитъ онъ государственный совѣтъ. Онъ приволокнулся за дочерью городничаго и объявленъ ея женихомъ.

Послѣднее обстоятельство погрузило городничаго въ неизъяснимо благодушное, но все же грубо-чувственное состояніе духа. Онъ почувствовалъ въ себѣ силу, грядущіе чины и ордена, будущая власть заставляетъ его излить всю свою желчь на купцовъ, которые еще не такъ давно, почуявъ его шаткое положеніе, пришли къ ревизору—Хлестакову „просить" на него.

Знакомые городничаго, судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и другіе городскіе чиновники всѣ проникаются несказаннымъ уваженіемъ къ городничему, на долю котораго выпало земное счастье—стать тестемъ петербургскаго чиновника. Иллюзія городничаго продолжается до того самаго момента, когда почтмейстеръ, зорко слѣдившій за входящими и исходящими письмами, приноситъ сатирическое посланіе Хлестакова къ своему пріятелю въ Петербургѣ.

Тутъ только онъ приходитъ въ себя, тутъ только замѣчаетъ, какъ онъ позволилъ себя одурачить, вѣрнѣе сказать, какъ онъ самъ переоцѣнилъ дѣйствительность.

„Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!...

Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовъ обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! нечего и говорить про губернаторовъ, кричитъ въ иступленіи городничій.

...„До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора?“...

Напрасно городничій обвиняетъ во всемъ городскихъ сплетниковъ, Добчинскаго и Бобчинскаго; виновны вовсе не они—виновна его собственное душевное состояніе, виновенъ онъ самъ, создавшій себѣ призракъ того ревизора, который еще произнесетъ надъ нимъ свой правый приговоръ.

Что же такое—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ? Сознательный шантажистъ. одурачившій цѣлый городъ? аферистъ? Ни то, и ни другое.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ—„нѣсколько приглуповатъ, и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ,—одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какія-нибудь мысли“... Вотъ аттестація Хлестакова, данная ему его творцомъ.

Познакомимся съ нимъ ближе.

Иванъ Александровичъ еще молодъ ему года двадцать три; изъ далекой отцовской деревни онъ уѣхалъ въ Петербургъ дѣлать служебную карьеру но вскорѣ выказалъ всю свою пустоту. Онъ сталъ

кутить, шибко играть въ карты, далеко не всегда счастливо, манкировать службой. Жизнь въ столицѣ ему ничего не дала, кромѣ лоска „свѣтскаго человѣка", которымъ онъ очень гордится.

Крѣпостной слуга Осипъ, совершенно не уважающій своего господина, даетъ Хлестакову, великолѣпную характеристику.

„Батюшка пришлетъ денежки, разсказываетъ Осипъ о жизни своего барина въ столицѣ, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни почемъ идутъ. А отчего?—оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто, того, чтобы въ должность, а онъ ѣдетъ гулять по прешпекту, въ карты играетъ"...

Отецъ-Хлестаковъ разсердился на сына, что онъ такъ долго ничего не выслужилъ и потребовалъ его къ себѣ въ деревню.

По дорогѣ Хлестаковъ проигрался и за отсутствіемъ средствъ застрялъ въ томъ городѣ, который процвѣталъ подъ высокимъ покровительствомъ градоправителя Сквозника-Дмухановскаго.

Онъ сперва не подозрѣвалъ, что его принимаютъ за важную особу, командированную обревизовать тотъ городъ, въ которомъ онъ очутился въ столь критическомъ положеніи.

Полупьяный онъ попадаетъ въ домъ городни-

чаго и своими разсказами совершенно сбиваетъ съ толку городничаго и всѣхъ чиновниковъ.

Нельзя сказать, чтобы Хлестаковъ сознательно лгалъ, лгалъ съ цѣлью.

Нѣтъ, онъ даже не потрудился отдать себѣ отчета въ томъ, что онъ говоритъ.

Уцѣпившись за какую-нибудь мысль (правильна она или нѣтъ, соотвѣтствуетъ-ли она дѣйствительности или нѣтъ—ему до этого нѣтъ дѣла), онъ ее развиваетъ все болѣе и болѣе, увлекается своимъ собственнымъ разсказомъ. Онъ часто забываетъ однако, о чемъ говоритъ (виною тому, конечно, та губернская мадера, которой угостилъ его городничій) и мысли его путаются.

Онъ совершенно неразсуждая принимаетъ какъ должное, тотъ почетъ, которымъ его окружаютъ, беретъ деньги у чиновниковъ; и лишь въ сценѣ съ „представленіемъ“ догадывается, что его принимаютъ за какое-то другое лицо.

Безсознательно онъ „пріударяетъ“ за дочкой градоправителя, проситъ у ея родителей согласія на бракъ съ ней и уѣзжаетъ не по своему собственному сознательному рѣшенію, а по совѣту своего слуги Осипа, объяснившему ему его ложное положеніе, изъ котораго необходимо какъ можно скорѣе выйти. Хлестаковъ уѣзжаетъ „на одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ“, какъ говоритъ онъ самъ, и, кто знаетъ, быть можетъ вѣритъ своимъ словамъ.

„Слова вылетаютъ у него (Хлестакова), говоритъ Бѣлинскій, вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связи съ посланниками, — онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: ска-

завъ первую фразу, онъ продолжалъ какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы, катится уже не посредствомъ силы, а собственною тяжестью. „Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ бишь я говорилъ? Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль, и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что „при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возмешь"...

„Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собою и является все тѣмъ же, все самимъ же собою, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простого понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: „Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что-то такое внушающее"... и не докончилъ, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько и потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... „Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ". Видите-ли: его приняли за важную особу—оттого, что „у него въ физіономіи есть что-то внушающее";

это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятка, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ, и ласково, тоже какъ-будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: „Погуляли здѣсь два денька, ну—и довольно; что съ ними связываться! Плюньте на нихъ! Неровенъ часъ, какой-нибудь другой наѣдетъ“, и обольщаетъ его тройкою лихихъ лошадей съ колокольчиками... Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьку. Ея приходъ *толкаетъ* Хлестакова, т. е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ франтъ, она „барышня“: слѣдовательно, ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ—такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты... И вотъ, онъ на колѣняхъ передъ нею. Уйди она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ совсѣмъ небывалой; но входитъ мать и *толкаетъ* его „просить руки“ Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился—и Хлестаковъ готовъ спросить себя: „На чемъ, бишь я остановился?“

Жена и дочь городничаго типичныя провинціалки. Жена—кокетка далеко не первой молодости; воспиталась она „вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ по хозяйству“, Быть можетъ и она когда-то мечтала и увлекалась „чувствительными“ мѣстами въ романахъ,

представляя свое будущее какимъ-то сплошнымъ праздникомъ; но пора эта пропала, она вышла замужъ за полицейскаго чина, тянувшаго свою служебную лямку и съ трудомъ подвигавшагося впередъ. Пустота жизни, мелочность интересовъ, отсутствіе разнообразія — вотъ та атмосфера, въ которой живетъ Марія Андреевна, въ которой живетъ весь городъ, начиная съ градоправителя и кончая самымъ захудалымъ обывателемъ.

Анна Андреевна вовсе еще не желаетъ уступать дочери въ стремленіи и понравиться и, какъ должное, принимаетъ „ухаживаніе“ Хлестакова.

Какъ провинціальная кумушка, она любопытна и не чужда тщеславія.

Вся мелочность ея натуры сказывается въ тотъ моментъ, когда она убѣдилась въ томъ, что, ставъ тещой вельможи-Хлестакова, достигнетъ высокаго положенія. Она, конечно, хочетъ, чтобы супругъ ея получилъ „голубую кавалерію“ и восторгается при мысли о томъ свѣтскомъ обществѣ, въ которомъ она будетъ вращаться.

„Я не иначе хочу, говоритъ она, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ). Ахъ, какъ хорошо!“

Дочь не далеко ушла отъ матери. „Марія Антоновна глупа, пуста и пошла“, говоритъ Бѣлинскій, и этимъ уже все сказано.

Слѣдуетъ остановиться еще на другихъ представителяхъ власти и на Добчинскомъ и Бобчинскомъ. О первыхъ мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ ниже, а теперь познакомимся ближе съ тѣми двумя городскими сплетни-

ками, на которыхъ въ концѣ комедіи обрушился весь гнѣвъ чиновниковъ, вовлеченныхъ въ обманъ.

По профессіи, какъ Добчинскій, такъ и Бобчинскій—сплетники. Трудно сказать чѣмъ другимъ занимаются они, кромѣ хожденія по разнымъ знакомымъ домамъ съ исключительною цѣлью давать подробный отчетъ о томъ, что творится въ городѣ. Относятся къ нимъ, обыкновенно, презрительно, но и на ихъ долю иной разъ выпадаетъ „счастье" стать предметомъ всеобщаго вниманія; случается это тогда, когда они сообщаютъ для всѣхъ одинаково важную новость. Сообщивъ о пріѣздѣ ревизора, Добчинскій и Бобчинскій стали героями минуты.

Городничій и всѣ чиновники выслушали ихъ разсказъ, пересыпанный длинными и лишними подробностями, повѣрили имъ и тѣмъ самымъ удовлетворили ихъ профессіональное самолюбіе.

Но въ какомъ жалкомъ положеніи очутились они, когда на нихъ обрушился весь гнѣвъ чиновниковъ. Съ такими людьми, какъ Добчинскій и Бобчинскій не привыкли стѣсняться. Послушайте только, какими лестными эпитетами снабдили ихъ и городничій, и попечитель богоугодныхъ заведеній и судья и смотритель училищъ и прочіе гости городничаго.

„Сплетники городскіе, лгуны проклятые"—кричитъ городничій.

„Пачкуны проклятые, сморчки короткобрюхіе"—вторитъ судья.

„Комики"—заявляетъ смотритель.

Провинціальныя „власти“ въ комедіи „Ревизоръ“.

Комедія Н. В. Гоголя „Ревизоръ“ и до нашихъ дней не потеряла значенія современности. Весь ужасъ безправія обывателей, весь произволъ властей, который такъ ярко изображалъ Н. В. въ своей безсмертной комедіи, еще до сихъ поръ тяжелымъ кошмаромъ виситъ надъ Россій.

Конечно, измѣнились тѣ формы, въ которыхъ проявляла себя власть, но сущность ея, сама по себѣ, дающая право облеченному ею на произволъ, осталась и остается неизмѣнной и понынѣ.

Вдумайтесь серьезно въ ту печальную картину положенія общества, которую, смѣясь сквозь слезы, нарисовалъ Н. В. въ „Ревизорѣ“, отбросьте на время всю комическую сторону этой „комедіи“ и увидите страшную драму русской дѣйствительности, послѣдній актъ которой еще не сыгранъ.

Имя этой драмы—произволъ властей.

Всякому извѣстно, что, благодаря своей жизненной правотѣ, „Ревизоръ“ пріобрѣлъ автору немало враговъ: лучшее доказательству тому, что комедія задѣла за живое представителей бюрократической власти. Не такъ печально то, что лѣтъ шестьдесятъ съ лишнимъ назадъ такъ ненормальны были жизненныя условія въ Россіи, печальнѣе всего то, что эти условія не на много измѣнились и по сіе время.

Центральной фигурой въ этой комедіи для насъ является не Хлестаковъ, а городничій со всѣмъ сонмомъ чиновниковъ, раздѣляющихъ съ нимъ власть.

Если бы опредѣлить преступленія, совершенныя городничимъ во время его управленія городомъ и подыскать по нашему уголовному уло-

женію соотвѣтствующее имъ наказаніе, то по всей вѣроятности градоправителю Сквознику-Дмухановскому пришлось бы всю жизнь томиться на каторгѣ.

Каковы же эти преступленія? Они многочисленны и разнообразны.

Прежде всего бросается въ глаза — взяточничество, возведенное въ систему. Городничій беретъ не только съ купцовъ (товаромъ и деньгами), но и со всѣхъ обывателей, если они не желаютъ, чтобы дѣло ихъ было рѣшено не въ ихъ пользу. Особенно благопріятенъ въ этомъ отношеніи рекрутскій наборъ. Отъ него онъ освобождаетъ тѣхъ, которые ему поднесутъ своевременно подарокъ. Онъ освободилъ сына портного, родители котораго дали ему подарокъ, освободилъ также и купеческаго сынка Пантелеева, мать котораго „подослала" къ супругѣ городничаго „штуки три полотна", но, зато совершенно незаконно забралъ мужа у беззащитной и бѣдной слесарши Пошлепкиной.

Съ казенными деньгами онъ также очень легко обращается, скрывая растраты ложными рапортами, составляя завѣдомо недобросовѣстныя смѣты расходовъ.

Онъ не постѣснялся совершенно не начинать постройки церкви при богоугодномъ заведеніи, присвоивъ себѣ 5000 рублей, ассигнованные для этой цѣли правительствомъ, и пославъ куда слѣдуетъ сообщеніе, что церковь началась строиться, да сгорѣла.

Онъ „помогъ сплутовать" купцу, когда онъ строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было.

Конечно, онъ это сдѣлалъ небезкорыстно и часть обманнымъ образомъ полученныхъ отъ казны денегъ пошла въ карманы градоправителя.

Онъ не брезговалъ даже ради наживы не от-

пускать провизіи арестантамъ, не обновлять обмундировки жалкаго гарнизона, на что, конечно, также полагались казенныя деньги.

Онъ, вполнѣ понимая все свое полновластье, не стѣсняется также и явно нарушать законъ, примѣнивъ тѣлесное наказаніе къ унтеръ-офицерской женѣ Ивановой, хотя къ женщинамъ въ то ужасное время это уже по закону не примѣнялось.

Взяточничество, ясное нарушеніе закона, укрывательство въ мошенничествѣ и явное мошенничество—вотъ тѣ преступленія, которыя совершены градоправителемъ. Вотъ какими качествами отличается одна изъ провинціальныхъ властей.

Не лучшаго достоинства и представитель судебной власти судья Антонъ Федоровичъ Тяпкинъ-Ляпкинъ.

Правда самъ онъ себя считаетъ либераломъ. Говоритъ страшныя вещи о сотвореніи міра, не ходитъ въ церковь и считаетъ себя честнымъ человѣкомъ. Онъ искренно убѣжденъ, что борзые щенки, которые преподносятъ ему въ благодарность —не взятка, такъ же, какъ не ради взятки ему предоставляется охотиться на поляхъ тяжущихся помѣщиковъ.

Дѣла у него въ уѣздномъ судѣ страшно запущены „...Если и заглянетъ кто-нибудь въ какую-нибудь бумагу, говоритъ судья, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда“.

Смотритель учебныхъ заведеній Лука Лукичъ Хлоповъ, забитый и ничтожный человѣкъ, который всѣхъ и всего боится: „Не приведи Богъ служить по просвѣщенію: всѣ путаются, всѣ считаютъ себя

умными, даютъ совѣты.“ Высоко трагично положеніе представителя просвѣщенія среди хищниковъ и беззаконниковъ. Просвѣщенье по существу внушаетъ уже опасенія беззаконичающему чиновничеству.

Богоугодныя заведенія, попечителемъ которыхъ состоитъ Земляника, обратились въ какое-то доходное мѣсто для него. Въ больницахъ царитъ страшный безпорядокъ, всѣ требованія гигіены вплоть до частой перемѣны бѣлья — совершенно игнорируются, кромѣ того больнымъ совершенно не даютъ лѣкарства, будто-бы въ виду какихъ-то научныхъ соображеній и кормятъ совершенно неподходящими кушаньями. Самъ Земляника гнусный ябедникъ, гнилая и кляузная душа. Доносами и кляузами питается онъ, какъ навозный жукъ своей навозной кучей.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о почтмейстерѣ, Шпекинѣ. Его преступленія, правда, более невиннаго свойства, но тѣмъ не менѣе прибавляютъ еще одну черту къ общей странной картинѣ безправнаго положенія общества. Почтмейстеръ—страшный любитель чужой корреспонденціи, которую, не стѣсняясь, читаетъ, а иной разъ, если письмо понравится ему своимъ слогомъ, то даже и оставляетъ его у себя.

Въ правовомъ государствѣ, какъ извѣстно, граждане пользуются правомъ неприкосновенности переписки.

Вотъ характеристики высшихъ представителей провинціальной власти: по всей вѣроятности, низшіе ни въ чемъ не уступаютъ высшимъ, такъ, напр., частный приставъ по части взятокъ и неприкосновенности чужой собственности не далеко ушелъ отъ своего непосредственнаго начальника—градоправителя.

Критическая оцѣнка „Ревизора“.

Еще въ юности Гоголь обладалъ способностью очень живо представлять себѣ различныя фигуры людей, сталкивать ихъ между собою и слѣдить за курьезными послѣдствіями комическихъ столкновеній. Способность эта обусловливалась богатѣйшей наблюдательностью Гоголя, его умѣньемъ схватывать характерныя черты людей и ярко изображать ихъ. Такого рода даръ побуждалъ его давно уже взяться за драматическую форму произведеній, къ которой была у него природная склонность. Воспользовавшись пушкинскимъ сюжетомъ, Гоголь серьезно принялся за свою комедію, желая соединить въ ней цѣли художественныя съ общественными.

Если великій поэтъ дорожилъ даннымъ Гоголю сюжетомъ и придавалъ ему серьезное значеніе, то можно сказать, что авторъ „Ревизора“ извлекъ изъ этого сюжета все, что было возможно и далъ наилучшее употребленіе ему, какое только могъ дать высоко одаренный художникъ. Подобныя произведенія лежали не въ природѣ таланта Пушкина, и поэтъ проявилъ большую чуткость, угадавъ, что съ такимъ сюжетомъ лучше справится не онъ, а именно Гоголь.

До „Ревизора“ мы имѣли въ русской литературѣ такія художественно-сатирическія картины русскаго быта, какъ романы Нарѣжнаго, драмы Фонвизина, гдѣ изображались типы духовенства, чиновниковъ, помѣщиковъ и пр. Но въ первый разъ передъ глазами русскаго читателя встало въ такомъ широкомъ эпическомъ изображеніи, съ такой безпощадной мѣткостью и силой исполненое, изображеніе русской провинціальной жизни. Кос-

нѣя въ тупомъ, грязномъ болотѣ, Русь спала, и вдругъ это самое болото во всемъ своемъ ужасѣ выдвинуто было передъ духовными глазами русскаго интеллигента силой слова художника-сатирика. Волненіе, конечно, началось безпримѣрное. Автора проклинали, не хотѣли вѣрить, что дѣйствующія лица „Ревизора“ являются частью окружающей насъ дѣйствительности, хотѣли закрыть глаза на жестокую правду. Но слишкомъ правдиво и мѣтко было все изображенное; художникъ оружіемъ противъ нашей страшной дѣйствительности выставилъ *смѣхъ*, и на каждомъ спектаклѣ публика гомерическимъ хохотомъ встрѣчала отраженія нашей убогой и пошлой дѣйствительности, которую художникъ пригвоздилъ къ позорному столбу и выставилъ на посмѣяніе. Такъ смѣхомъ излечивались мы отъ своихъ язвъ, и въ яркомъ возсозданіи всей правды нашей жизни, на какое способенъ лишь художникъ, заключается безсмертная заслуга Гоголя. Его герои—городничій, Хлестаковъ, чиновники, помѣщики, слуги—такъ живы, что мы ихъ какъ будто видимъ предъ собой и сейчасъ. Въ пьесѣ дано большое разнообразіе типовъ и характеровъ, и каждый изъ нихъ выдвинутъ ярко и выпукло, показывая невѣроятную наблюдательность Гоголя, его знаніе провинціальной жизни и психологическое тонкое чутье. За всѣми этими уродами, которые движутся по сценѣ, чувствуется непроглядный мракъ нашей жизни, глубочайшее ея болото, вскрытое писателемъ; это наводило на грустныя размышленія, на тоску и ужасъ, вызвать которые было также цѣлью великаго писателя. Онъ показалъ намъ въ зеркалѣ нашу-же жизнь.

Авторская исповѣдь Н. В. Гоголя.

„Авторская исповѣдь“ должна была служить отвѣтомъ на всѣ тѣ нападки, которымъ подверглась новая книга Н. В. Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Суровый приговоръ, вынесенный не только критиками, но и обществомъ, новой книгѣ, въ значеніе которой такъ вѣрилъ самъ авторъ, произвелъ на Гоголя удручающее впечатлѣніе; онъ почувствовалъ необходимость высказаться, высказаться полностью о цѣли книги, о своемъ міровоззрѣніи, о своемъ взглядѣ на писателя и литературное поприще, раскрыть передъ читателями ходъ развитія своего творчества. Осуществить эту необходимость, во всемъ ея объемѣ, и должна была „Авторская исповѣдь“, задуманная и написанная въ маѣ 1847 года, почти полгода спустя послѣ появленія „Выбранныхъ мѣстъ“.

Въ началѣ своей „исповѣди“ Н. В. говоритъ, что едва ли какая-либо другая книга имѣла столь странную судьбу, какъ „Выбранныя мѣста“, такъ какъ на этотъ разъ, менѣе всего критика занялась ею, обративъ все свое вниманіе на ея автора; автора анатомировали, совершенно не считаясь съ нимъ, какъ съ живымъ человѣкомъ; его упрекали, ему наносили оскорбленія. Авторъ долго молчалъ, спокойно выслушивалъ все, что

ни говорилось о немъ, желая единственно почерпнуть изъ всѣхъ толковъ что-либо для себя полезное; прислушаться къ упрекамъ и подумать о самомъ себѣ. Онъ старался заглушить въ себѣ всякое раздраженіе, проникнуться тѣмъ спокойствіемъ, которое бы дало ему возможность услышать среди всѣхъ толковъ и нападковъ тотъ справедливый средній голосъ, „который недаромъ называется гласомъ народа и гласомъ Божіимъ". Но онъ не услышалъ средняго голоса—слишкомъ ужъ разошлись между собою различныя мнѣнія.

„Въ итогѣ мнѣ послышались три различныя мнѣнія: говоритъ Н. В. Гоголь, *первое,* что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возомнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣетъ право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовывать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и обольщеніе человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто".

Онъ, однако, не можетъ согласиться ни съ однимъ изъ этихъ мнѣній, такъ какъ каждое изъ нихъ лишь отчасти вѣрно; книга эта есть зеркало человѣка, т. е. самого автора ея. Какъ каждый человѣкъ полонъ всякихъ противорѣчій, такъ и эта книга, которая можетъ послужить только доказательствомъ великой истины словъ апостола Павла, сказавшаго, что весь человѣкъ есть ложь.

Н. В. указываетъ на то, что книга эта была написана въ то самое время, когда онъ уже болѣе не думалъ оправиться отъ постигшей его болѣзни, а потому она проникнута тѣмъ тономъ, который справедливо при-

велъ въ недоумѣніе читателей; въ книгѣ этой слышна „какая-то неумѣстная проповѣдь“, въ ней имѣются „какія-то мистическія непонятныя мѣста“, тонъ также не всюду выдержанъ, такъ какъ „Выбранныя мѣста“—составлены изъ писемъ различныхъ періодовъ и притомъ отличныхъ по своему характеру.

Затѣмъ Гоголь дѣлаетъ нѣкоторое отступленіе, чтобы снять съ себя различные упреки, брошенные по его адресу критикой, а главнымъ образомъ В. Г. Бѣлинскимъ.

Онъ говоритъ, что многія его мысли были ложно поняты.

„Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные каждый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенія народнаго, это показалось мнѣ, говоритъ Н. В., очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу“ и т. д.

Н. В. опровергаетъ также и то мнѣніе, что въ новой книгѣ онъ „отвергъ достоинства своихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ его пользу“; что онъ проповѣдуетъ консерватизмъ, считая вреднымъ умственное сближеніе съ Западомъ, и т. д.

Наиболѣе важной является та часть исповѣди, въ которой онъ отвѣчаетъ на запросъ: „зачѣмъ онъ оставилъ тотъ родъ и то поприще, которое за собою уже утвердилъ, гдѣ былъ почти господинъ и принялся за другое, ему чуждое?“

Чтобы полностью отвѣтить на этотъ запросъ, онъ „излагаетъ всю повѣсть своего авторства“.

Гоголь даже сомнѣвается въ томъ, дѣйствительно ли поприще писателя—его поприще. Насколько онъ себя

помнитъ, ему никогда въ голову не приходила мысл
сдѣлаться писателемъ, хотя у него имѣлись уже с
самыхъ юныхъ лѣтъ всѣ данныя писателя: онъ быстр
подмѣчалъ характерныя (обыкновенно смѣшныя) сто
роны встрѣчавшихся ему людей, и образы ихъ рельефн
сохранялись въ его памяти. Съ раннихъ лѣтъ онъ чув
ствовалъ, что судьба выдвинетъ его изъ толпы, и онъ до
стигнетъ выдающагося вліянія. Но онъ никогда не пред
полагалъ, что онъ достигнетъ этого своимъ литератур
нымъ творчествомъ, онъ думалъ о государственно
службѣ.

„Отъ этого страсть служить была у меня въ юност
очень сильна,—говоритъ Н. В. Гоголь,—она пребывал
неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣл
и занятій".

Первые его литературные опыты были серьезнаг
направленія, и тогда онъ не могъ бы себѣ представит
что станетъ сатирическимъ и комическимъ писателем
Однако, и первыя его произведенія были полны „весе
лости".

Причина этого страннаго явленія, какъ бы не согла
сующагося съ характеромъ настроенія нашего перваг
натуралиста, заключается въ томъ, что, желая разо
гнать тоску, Н. В. „придумывалъ себѣ все смѣшное
что только могъ выдумать; выдумывалъ цѣликом
смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленн
въ самыя смѣшныя положенія, вовсе *не заботясь* о томъ
зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ кака
польза". „Молодость, во время которой не приходятъ н
умъ никакіе вопросы, подталкивала".

Вотъ тѣ душевные мотивы, при которыхъ были со
зданы первыя произведенія Н. В.

Онъ полагаетъ, что съ исчезновеніемъ молодости, тѣсн
связанной съ жизнерадостнымъ веселіемъ, прошло бы ег
писательство, если бы Пушкинъ не направилъ его н

новый путь, раскрывъ ему глаза на цѣли и значенiе литературнаго творчества.

Пушкинъ отдалъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, изъ котораго самъ хотѣлъ сдѣлать что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому.

Гоголь съ этого момента сталъ строго критиковать все то, что онъ писалъ, съ точки зрѣнiя пользы и цѣлесообразности.

Появился „Ревизоръ“, въ которомъ Гоголь безпощадно осмѣялъ все вмѣстѣ, что слѣдовало осмѣять.

Но сквозь смѣхъ стало чувствоваться совсѣмъ нѣчто новое, „сквозь смѣхъ читатель услышалъ грусть“. То было лучшее доказательство тому, что смѣхъ его потерялъ свою непосредственность, что его непринужденность „окончилась съ молодыми годами“ писателя.

По выходѣ въ свѣтъ „Ревизора“ Гоголь задался созданiемъ такого произведенiя, гдѣ бы не только подвергалось все дурное осмѣянiю, но гдѣ бы были также и положительныя мысли и положительные типы.

Сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ по мнѣнiи Пушкина въ этомъ отношенiи и былъ весьма удобенъ, такъ какъ путешествуя со своимъ героемъ по лицу всей матушки Руси, авторъ тѣмъ самымъ могъ выводить различные типы, подмѣчать дурныя и хорошiя стороны русской жизни.

Однако, задавшись однажды вопросомъ о цѣлесообразности своихъ произведенiй, Н. В. „на каждомъ шагу былъ останавливаемъ вопросомъ: зачѣмъ? къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленiе?“

Онъ начинаетъ слишкомъ осторожно относиться къ своему „смѣху“, начинаетъ плохо довѣрять своему художественному чутью. Мало-по-малу онъ вовлекаетъ себя въ отвлеченныя разсужденiя „о низкомъ и высо-

комъ русской природы", которое неизбѣжно должно было его привести къ размышленію о человѣческой природѣ вообще.

„Чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, говоритъ Н. В., слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого не станешь на точку воззрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа".

Гоголь начинаетъ изучать человѣка и душу его; онъ обращаетъ вниманіе свое на выясненіе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще, и „приходитъ къ Христу, увидѣвши въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ".

Рядомъ съ этимъ въ Гоголѣ появляется стремленіе къ нравственному обновленію, такъ какъ для изображенія „высшихъ чувствъ и движеній человѣка" онъ не находитъ въ самомъ себѣ достаточной душевной чистоты.

Въ этотъ ранній періодъ своего мистицизма Гоголь не могъ рѣшительно ничего писать; мысли его бродили, не укладываясь еще въ рамки опредѣленнаго міровоззрѣнія; но вотъ Н. В.—какъ казалось ему—разрѣшилъ „нѣкоторые важные вопросы" относительно самого себя и приступилъ къ своему новому труду.

Выработавъ начатки новаго міросозерцанія, писатель вновь начинаетъ интересоваться русской дѣйствительностью; въ далекихъ краяхъ онъ ищетъ знакомства съ такими людьми, которые могли бы ему сообщить много интересныхъ подробностей о русской дѣйствительности; онъ обращается въ „Выбранныхъ мѣстахъ" съ письмами къ помѣщикамъ лишь съ тою цѣлью, чтобы „опровергнули его приведеніемъ анекдотическихъ фактовъ"; онъ дѣлаетъ воззваніе ко всѣмъ читателямъ «Мертвыхъ

Душъ», прося не столько «поправокъ», сколько питая скрытую надежду, что подъ предлогомъ просимыхъ поправокъ онъ получитъ богатый матеріалъ изъ повседневной русской жизни. Надежды его не оправдались: „на его приглашеніе онъ не получилъ записокъ; въ журналахъ его осмѣяли".

Многимъ казалось весьма страннымъ, что онъ пребываетъ долгое время въ далекихъ краяхъ, такъ какъ художнику русской дѣйствительности необходимо пребывать въ самой Россіи.

Н. В. говоритъ, что болѣзненное состояніе, а болѣе еще того стремленіе къ душевному равновѣсію, необходимому для безпристрастныхъ изображеніяхъ русской дѣствительности, заставляло его пребывать вдали отъ Россіи.

Хотя онъ дважды возвращался на родину съ искреннимъ желаніемъ освѣжить въ себѣ представленіе о русской дѣйствительности, почерпнуть запасъ новыхъ русскихъ впечатлѣній, но все было тщетно: „среди Россіи онъ почти не увидалъ Россіи".

Въ городахъ мало интересовались русской дѣйствительностью, здѣсь было полное отсутствіе того фактическаго матеріала, въ которомъ такъ нуждался писатель. Всякій старался снабдить его только выводами, извѣстными философскими заключеніями, а русская дѣйствительность оставалась для него задернутой какимъ-то таинственнымъ занавѣсомъ.

Въ провинціяхъ, по словамъ Н. В., дѣло обстояло еще хуже; тамъ имя *Россія* не раздавалось на устахъ.

Такимъ образомъ, пребывая въ Россіи, Гоголь только еще больше забывалъ русскую дѣйствительность: „Россія" у него въ головѣ разлеталась и разсѣивалась".

Писателю рѣшительно не удавалось запастись такими впечатлѣніями и анекдотическими фактами, которыхъ требовала его жажда творчества.

„Всего того, что мнѣ нужно, я не могъ достать. А не доставши его, мудрено-ли, что я не могъ работать“—оправдывается Н. В. Гоголь.

Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ различныя усилія, чтобы начать «писать по прежнему», какъ писалось въ молодости, не задаваясь никакими опредѣленными цѣлями, не критикуя свои произведенія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Изъ этого ничего не вышло.

Тогда-то Н. В. рѣшилъ, послѣ долгаго перерыва въ литературной дѣятельности, опубликовать свои письма, совершенно не желая хоть сколько-нибудь критически отнестись къ своей новой книгѣ, такъ какъ онъ заранѣе зналъ, «что ее уничтожитъ, какъ уничтожалъ „Мертвыя Души“, и какъ уничтожалъ все, что ни писалъ въ послѣднее время“. Онъ полагалъ, что новая книга объяснитъ его „трудное положеніе, почему онъ не могъ писать въ это время“; онъ полагалъ также, что „вслѣдъ ея заговорить о томъ, что раскроетъ передо мною побольше Русь, освѣжитъ, оживитъ его и заставитъ его взяться за перо“.

Громы негодованія, обрушившіеся на него изъ-за „Переписки съ друзьями“, совершенно сбили его съ толку, и рѣшительно поставили ему вопросъ, «долженъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ писать“, не безполезно-ли его творчество въ моментъ даннаго настроенія общества.

Въ послѣдней части своей исповѣди Н. В. совершенно отрицаетъ за себой всякую заслугу и убѣжденно высказывается за то, что онъ не имѣетъ нравственнаго права выступать со своими литературными трудами, такъ какъ еще самъ далеко не сформировался нравственно, еще не вполнѣ проникся ученіемъ Того, Кто открылъ ему глаза.

Признавая за писателемъ то преимущество, что онъ силою своего творчества, силою своего слова двигаетъ человѣчество по пути къ совершенству, указывая тотъ

идеалъ, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, Н. В. на этомъ примѣрѣ видитъ, насколько, онъ еще не дожилъ въ своемъ развитіи до той высоты, съ которой можно и должно обратиться со словомъ къ своимъ ближнимъ, въ увѣренности, что слово это будетъ истинно и принесетъ пользу.

Иначе и не можетъ быть. Общество усиленнѣе чѣмъ когда-либо работаетъ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ нравственности, ищетъ разрѣшеній вѣчныхъ вопросовъ жизни. А въ такой моментъ можетъ выступить только тотъ писатель, „который при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, пріобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа, въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ кремень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку“...

Онъ-же, Гоголь, не долженъ выступать; „онъ помышляетъ о своемъ собственно строеніи, какъ помышляютъ и другіе, и чувствуетъ, что и теперь находится далеко отъ того, къ чему стремится...“

Въ доказательство этому онъ приводитъ несомнѣнный и вполнѣ справедливый провалъ его „Выбранныхъ мѣстъ“, и благословляетъ судьбу, которая надоумила его уничтожить „Мертвыя Души“, заключавшія въ себѣ еще больше противорѣчій и ложныхъ мыслей.

Итакъ, „какъ честный человѣкъ онъ долженъ положить перо даже и тогда, еслибы чувствовалъ позывъ къ нему“.

Нужно оцѣнить силу нравственнаго семоотверженья и писательскаго безкорыстія Гоголя. Писатель признанный, самый крупный, послѣ смерти Пушкина и Лермонтова, стоящій на такой высотѣ славы и успѣховъ,

Гоголь въ силу поставленныхъ имъ себѣ, какъ писа телю, идеальныхъ требованій, отказывается далѣе сто ять на этой высотѣ, считаетъ себя недостойнымъ ея и стоически лишаетъ себя права писать. Заблуждался Гоголь или нѣтъ, но здѣсь проявились высокія черты его нравственнаго склада, проявилась мужественная и стойкая въ своемъ высшемъ благородствѣ душа.

Но если пока нельзя служить на пользу общества своимъ литературнымъ трудомъ, то у Гоголя остава лось еще одно давнишнее желаніе взять какую-нибудь должность, которая бы могла ему дать возможность близко встать къ русскому народу и оказывать на него благотворное вліяніе своей нравственной личностью, про свѣтленной ученіемъ Христа.

„Увѣрившись въ этомъ, я уже готовъ былъ жадно взять всякую должность, хотя, соображаясь со своими способностями, старался выбрать такую, которая про должала-бы практически знакомить съ русскимъ чело вѣкомъ, чтобы, если возвратится мнѣ способность пи сать, набрались у меня матеріалы", говоритъ Н. В.

Поѣздка къ Святымъ мѣстамъ была вызвана жела ніемъ „испросить благословеніе на честное исполненіе должности, на вступленіе въ жизнь у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни"...

Въ заключеніе Н. В. Гоголь вновь говоритъ о зна ченіи своей послѣдней книги „Выбранныя мѣста".

Онъ говоритъ, что книга эта принесла ему большую пользу тѣмъ, что вызвала массу толковъ и нареканій о немъ самомъ, сослужившихъ ему самому хорошую службу.

Въ этой книгѣ онъ выставилъ всѣ свои заблужде нія, она явилась зеркаломъ его самого, но это его ни сколько не смутило.

„Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ, но при всемъ томъ, благо-

дарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ, говоритъ Н. В., мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое бы я могъ глядѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги врядъ-ли бы я имѣлъ это зеркало. Итакъ, замышленная отъ искренняго желанія принести пользу другимъ, книга моя принесла прежде всего пользу мнѣ самому".

Но Н. В. вовсе не думаетъ считать ее не только вредной, но даже и безполезной для другихъ.

Книга эта, онъ полагаетъ, должна обратить многихъ къ Церкви.

„Несмотря на многія неопредѣлительныя и темныя мѣста, главное видно въ ней ясно, и послѣ чтенія ея приходишь къ тому-же заключенію, что верховная инстанція всего—есть Церковь и разрѣшеніе вопросовъ жизни—въ ней».

Обращаясь вновь къ своимъ критикамъ, Н. В. упрекаетъ ихъ въ излишней рѣзкости и нетерпимости къ чужимъ книжкамъ. Онъ говоритъ, что „вся эта путаница, недоразумѣнія были для него тяжелы"; „что онъ не можетъ не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли-бы также осыпать его за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали его, повелѣвая ободриться".

„Авторская исповѣдь" не произвела на читающую публику желаннаго впечатлѣнія. Она не примирила съ авторомъ тѣхъ, кто подобно Бѣлинскому, усмотрѣлъ въ „перепискѣ съ друзьями" проповѣдь изувѣрства и заподозрилъ искренность Гоголя. Она ничего не разъяснила и по существу. Изъ исповѣди видно только, что авторъ ея былъ подавленъ тяжестью тѣхъ великихъ исканій, которыя онъ себѣ ставилъ, что душа, надломленная болѣзнью и страданіемъ, рвалась къ выясненію

сложныхъ вопросовъ жизни и духа, но не въ силахъ была выбраться изъ многочисленныхъ противорѣчій, имъ же отчасти созданныхъ. Мысль о томъ, что можетъ быть написана самая лучшая, совершенная и самая полезная для народа книга, которая должна была бы, очевидно, замѣнить народу массу „вредныхъ“ книгъ и книжонокъ, тоже по существу наивна и несбыточна. Не удалось Гоголю выяснить и вопросъ объ общественномъ служеніи писателя въ связи съ свободою творчества. Художникъ-писатель стоялъ неизмѣримо выше писателя-теоретика и проповѣдника, а эту проповѣдническую сторону писательства Гоголь ошибочно ставилъ выше художественнаго значенія своихъ произведеній.

Шинель.

Напрасно мы бы стали искать въ героѣ повѣсти „Шинель“ какихъ нибудь высокихъ стремленій или сложныхъ внутреннихъ запросовъ; нѣтъ ничего подобнаго въ простыхъ смертныхъ, выхваченныхъ изъ нашей сѣрой обыденной жизни.

Излишне, конечно, повторять, что выборъ такихъ героевъ, какъ Акакій Акакіевичъ, всецѣло обусловливается тѣмъ литературнымъ направленіемъ, котораго держался Н. В. Гоголь и которое носитъ названіе „реализма“.

Сама жизнь выдвигала на сцену людей, вовсе ужъ не обладавшихъ такой силой различныхъ чувствованій, какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, такою идеальной нравственностью, какими надѣляли своихъ героевъ псевдоклассицизмъ и романтизмъ и сентиментализмъ.

Новое направленіе не имѣло, да и не могло имѣть ничего общаго, по своей сущности, ни съ богами и богинями, ни съ царями и жрецами далекаго отъ жизни псевдоклассицизма, ни со сказочными злодѣями и сказочными добродѣтелями романтизма, ни съ примѣрно-сладкими чувствованіями до уродливости нѣжнаго сентементализма; новое направленіе—изображало жизнь, не прикрашивая ея, какъ она есть, стараясь, однако, проникнуть въ ея сущность.

Постараемся подчеркнуть значеніе этого повѣсти съ общественной точки зрѣнія.

Для насъ Акакій Акакіевичъ не можетъ являться типомъ внѣ времени и пространства; онъ продуктъ нашихъ русскихъ жизненныхъ условій, онъ могъ возникнуть и существовать въ той приказной атмосферѣ, которая дала намъ не одного Акакія Акакіевича, не одно „значительное лицо“ въ генеральскомъ чинѣ; „значительныя лица“ и Акакіи Акакіевичи, „сильные міра сего“ и униженные и оскорбленные какъ два враждебныхъ лагеря расположились на аренѣ русской общественной жизни.

Акакій Акакіевичъ служилъ въ одномъ департаментѣ, чиновникомъ. Кто и когда его опредѣлилъ въ этотъ департаментъ никто не помнилъ за давностію лѣтъ. Мѣнялся цѣлый рядъ начальниковъ, старыя поколѣнія выслуживались, подымаясь все выше и выше по іерархической лѣстницѣ, а Акакій Акакіевичъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и переписывалъ бумаги. Начальство обходилось съ нимъ грубо. „Какой-нибудь помощникъ столначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите“ или: „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце“...

Отношеніе сослуживцевъ было не менѣе грубое; даже сторожа не питали къ Акакію Акакіевичу никакого уваженія.

Можно бы было предположить, что какіе нибудь нравственные недостатки заставляли окружающихъ такъ деспотически относиться къ Акакію Акакіевичу. Вовсе нѣтъ. То или другое отношеніе чиновниковъ къ своимъ сослуживцамъ обусловливается совершенно иными соображеніями, низкопоклонствомъ заискиваніемъ передъ сильными, пренебреженіемъ къ слабымъ.

Въ этой средѣ чиновниковъ-молчалиныхъ критеріемъ человѣческаго достоинства является его служебное зна-

ıеніе, и потому Акакію Акакіевичу приходилось занять далеко не почетное мѣсто.

Чиновники трунили надъ нимъ; „посмѣивались и острили... во сколько хватало канцелярскаго остроумія“...

Акакій Акакіевичъ всегда безропотно сносилъ всякія шутки чиновниковъ, но если чаша терпѣнія переполнилось, онъ говорилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“

Что же сломило Акакія Акакіевича, что такъ сильно подавило въ немъ чувство собственнаго достоинства?

Тотъ самый департаментъ, въ которомъ онъ уже самъ забылъ, сколько лѣтъ служитъ; тотъ приказный строй, который внушалъ высшимъ пренебрежительное отношеніе къ низшимъ, тотъ строй, который однихъ ставилъ выше, а другихъ внѣ всякихъ законовъ.

На свѣжаго человѣка, однако, жалкое положеніе Акакія Акакіевича должно было произвести самое удручающее впечатлѣніе, такъ какъ только свѣжему человѣку, не успѣвшему еще всосать въ себя всю грязь чиновничьей жизни, могла броситься въ глаза вся безнравственность отношенія окружающихъ къ пожилому чиновнику, для письма состарѣвшемуся надъ переписываніемъ бумагъ.

„Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилоеь передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему ни-

зенькій чиновникъ съ лысиною на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“. И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой“. И закрывалъ себѣ рукой лицо бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости. Боже даже въ томъ человѣка, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ.

Кругъ интересовъ Акакія Акакіевича былъ до смѣшного ограниченъ; онъ такъ сжился со своей службой съ вѣчнымъ однообразнымъ переписываніемъ бумагъ что внѣ этого занятія ни видѣлъ ничего: всюду онъ видѣлъ „свои чистыя, ровнымъ почеркомъ переписанныя строки“.

Онъ не развлекался, не ходилъ въ гости, не гулялъ по людным улицамъ столицы. Лишь только приходилъ онъ со службы домой, онъ садился за столъ. Обѣдъ былъ, обыкновенно, болѣе чѣмъ простой; онъ хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору“. Послѣ обѣда онъ переписывалъ или бумаги, принесенныя изъ департамента, или же что-нибудь для себя.

„Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мыслѣ о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра?

Ни чуть не разнообразясь, не давая никакихъ рѣшительно новыхъ впечатлѣній, протекали дни Акакія Акакіевича.

Какъ всѣ забитые и всѣми забытые люди, онъ ушелъ въ себя, сторонился своихъ сослуживцевъ, велъ замкнутую жизнь, и едва сводилъ концы съ концами, получая всего на всего въ годъ 400 рублей жалованья.

Акакій Акакіевичъ ходилъ въ старенькомъ вицмундирѣ съ низенькимъ узенькимъ воротничкомъ, плохо закрывавшемъ шею; къ этому вицмундиру всегда что-нибудь да прилипало и приставало: „или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка“.

Шинель Акакія Акакіевича уже давно сносилась, а между тѣмъ наступали морозы, и слѣдовало подумать о томъ, какъ-бы обезпечить себя теплой одеждой.

Акакій Акакіевичъ направился къ своему знакомому портному Петровичу посовѣтоваться, нельзя-ли какъ-нибудь поправить старую шинель.

Петровичъ былъ на этотъ разъ трезвъ, а въ такомъ состояніи онъ былъ очень несговорчивъ. Разсмотрѣвъ хорошенько ветхую шинель Акакія Акакіевича, онъ рѣшительно заявилъ, что исправить ее нѣтъ никакой возможности. При такомъ заявленіи „у Акакія Акакіевича екнуло сердце“.

Предвидѣлся неожиданный расходъ, который онъ не могъ произвести изъ своихъ жалкихъ средствъ.

Петровичъ говорилъ, что нужно будетъ на новую шинель „приложить три полсотни“.

Акакій Акакіевичъ еще разъ навѣдался къ Петровичу, именно въ понедѣльникъ, заранѣе зная, что у Петровича нѣтъ денегъ, а онъ захочетъ опохмѣлиться. Онъ вѣрно разсчиталъ, что давши Петровичу въ такой удобный моментъ гривенникъ, онъ пріобрѣтетъ его благорасположеніе и сговорчивость. Петровичъ послѣ воскресной выпивки, сильно желалъ опохмелиться, денегъ же не было, да притомъ ушла также и жена и взять было не у кого.

Акакій Акакіевичъ во время сунулъ свой „гривенникъ“, и Петровичъ сталъ сговорчивѣе. На новую шубу надо было затратить восемьдесятъ рублей. Акакій Акакіевичъ долженъ былъ вскорѣ получить наградныя, но онѣ уже давно были распредѣлены. „Требовалось за-

вести новыя панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеи три рубахи, да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ...“

Правда, у Акакія Акакіевича были кое-какія сбереженія—рублей около сорока, (онъ давно уже откладывалъ по грошу съ каждаго истраченнаго рубля), но эта сумма далеко еще не была достаточна.

Чиновникъ, потратившій всѣ свои силы на долголѣтней слубѣ въ департаментѣ, вынужденъ былъ себя обречь на голоданье, на самыя серьезныя лишенія. чтобы хоть какъ-нибудь скопить деньги, нужныя для новой шинели.

„Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе одного года (!): изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по по вечерамъ свѣчи, а если что понадобиться дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣтѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не стереть подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотонномъ халатѣ, щадимомъ даже самимъ временемъ. Надо сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ,—даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ“...

Но долгіе дни лишеній, наконецъ, прошли: Петровичъ принесъ Акакію Акакіевичу новую шинель.

Это было какъ разъ весьма кстати, такъ какъ начинались сильные морозы.

Появленіе Акакія Акакіевича не въ „капотѣ“, какъ звали сослуживцы его старую шинель, произвело большую сенсацію. Вѣсть о новой шинели мигомъ разнеслась по департаменту; чиновники высыпали въ швейцарскую, стали поздравлять Акакія Акакіевича съ обновкой; кто-то сказалъ, что нужно съ Акакія Акакіевича получить „вспрыски“; Акакій Акакіевичъ было уже совсѣмъ не зналъ, что и говорить, убѣждалъ, что эта шинель вовсе не новая, а старая, краснѣлъ, и совершенно растерялся. Его выручилъ какой-то помощникъ столоначальника, пригласивъ всѣхъ къ себѣ на вечеръ. „Такъ и быть, сказалъ онъ, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ“.

Акакій Акакіевичъ сталъ было отговариться, но въ концѣ концовъ пришлось принять предложеніе...

На обратномъ пути съ вечеринки, проходя по пустынной площади, Акакій Акакіевичъ подвергся нападенію грабителей, которые сняли съ него новую шинель, а его самого свалили въ снѣгъ.

Акакій Акакіевичъ былъ внѣ себя, онъ обращается тотчасъ-же къ ближайшему будочнику, затѣмъ къ квартальному, наконецъ, къ одному значительному лицу съ просьбой разыскать грабителей, онъ начинаетъ искать защиты у всѣхъ „силу имущихъ“, и на этомъ своемъ пути терпитъ полное крушеніе, такъ и не добившись правды и справедливости.

Эта часть повѣсти имѣетъ для насъ весьма большой интересъ. Мы видимъ, какъ, начиная съ будочника и кончая „значительнымъ лицомъ“, относятся должностныя лица къ своимъ прямымъ обязанностямъ, насколько они внимательны къ интересамъ тѣхъ, которыхъ они призваны защищать.

Эта часть повѣсти представляетъ яркую картину житейскую и служебную, не потерявшую значенія и до настоящаго времени.

Прійдя въ себя послѣ того, какъ грабители стащили шинель, Акакій Акакіевичъ добѣжалъ до ближайшей будки, у которой, опершись на алебарду, стоялъ будочникъ и „глядѣлъ съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ“.

Будочникъ остался совершенно глухъ къ мольбѣ Акакія Акакіевича, онъ и шагу не сдѣлалъ, чтобы застигнуть грабителей, хотя отчетливо видѣлъ, куда они скрылись, онъ ограничился только тѣмъ, что посовѣтовалъ пострадавшему обратиться на слѣдующее утро къ квартальному, который-де „отыщетъ, кто взялъ шубу“.

Въ ужасномъ состояніи духа провалялся Акакій Акакіевичъ въ постели, и рано утромъ отправился къ „частному“. Частный оказывается то спалъ, то его не было дома, и только угроза, пущенная Акакіемъ Акакіевичемъ по адресу чиновниковъ, не желавшихъ его пропустить къ частному, возымѣла силу, и онъ добился бесѣды съ приставомъ.

Такихъ усилій и трудовъ стоило Акакію Акакіевичу добиться совершенно законнаго права заявить частному о своемъ ограбленіи и тѣмъ самымъ заставить его принять соотвѣтствующія мѣры!

Частный допрашивалъ его о совершенно посторонихъ дѣлахъ, ставилъ такіе щекотливые вопросы, которые только только конфузили допрашиваемаго, и вышелъ Акакій Акакіевичъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ-ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ“.

Кража шинели вызвала въ департаментѣ сочувствіе, хотя нашлись и такіе чиновники, которые не упустили случая посмѣяться надъ потерпѣвшимъ; чиновники было хотѣли устроить подписку въ пользу Акакія Акакіевича, но она не дала почти ничего, такъ какъ его

сослуживцы уже потратились „подписавшись на директорскій порт, етъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю“.

Кто-то посовѣтовалъ ему обратиться къ „одному значительному лицу“, который при желаніи могъ-бы посодѣйствовать скорѣйшему разысканію похищенной шинели.

„Значительное лицо“, къ которому обратился Акакій Акакіевичъ, недавно только стало значительнымъ, но уже успѣло проникнуться тѣмъ бюрократическимъ формализмомъ, которымъ надлежитъ себя украшать, по понятію чиновничества, всякому человѣку, имѣющему генеральскій чинъ.

„Значительное лицо“—генералъ—девизомъ своего отношенія къ подчиненнымъ поставило слѣдующую фразу: „Строгость, строгость и—строгость“. На этомъ основаніи генералъ всегда „обрывалъ“, „осаживалъ“ подчиненныхъ, неустанно твердя свои три озлобленныя фразы: „Какъ вы смѣете? знаете-ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете-ли, кто стоитъ передъ вами?“

Вся канцелярія его пребывала въ полномъ страхѣ, чиновники, еще задолго до его прихода, стоя ожидали его; мелкіе чиновники встрѣчали его на лѣстницѣ.

Въ то время, какъ Акакій Акакіевичъ пришелъ къ нему, „значительное лицо“ бесѣдовалъ со своимъ давнишнимъ пріятелемъ, который давно уже не бывалъ въ столицѣ.

Для Акакія Акакіевича моментъ этотъ былъ весьма неблагопріятенъ, такъ какъ значительное лицо пожелало на немъ показать всю мощь своей начальнической силы передъ своимъ пріятелемъ.

„Значительное лицо“ заставило Акакія Акакіевича порядочное время дожидаться въ передней, затѣмъ, много времени спустя, вспомнило о немъ и приказало его позвать.

Съ первыхъ-же словъ генералъ осадилъ Акакія Акакіевича, произнеся голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и предъ зеркаломъ:—„что вамъ угодно?".

Путаясь, Акакій Акакіевичъ изложилъ свою просьбу. „Онъ де обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствовалъ своимъ какъ-нибудь того, списался-бы съ г. оберъ-полицмейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель."

Для „значительнаго лица" такого обращенія было достаточно, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ распечь подчиненнаго, такъ какъ онъ совершенно обошелъ установленный порядокъ.

„Что вы, милостивый государь", сказалъ онъ: „не знаете порядка, куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла-бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была секретарю, а секретарь доложилъ-бы ее уже мнѣ..."

Напрасно Акакій Акакіевичъ старался защитить себя: значительное лицо совершенно вошло въ свою роль и дошло, наконецъ, до того, что „толкнуло ногой, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось-бы страшно".

Онъ заметался и упалъ-бы, если-бы его не поддержали сторожа; „его вынесли безъ движеній", а „значительное лицо" осталось очень довольно своимъ начальническимъ внушеніемъ.

Акакій Акакіевичъ направился домой.

„Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу,— ничего ужъ не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не чуялъ подъ собой ни рукъ, ни ногъ; въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ че-

тырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. На другой-же день обнаружилась у него сильная горячка".

Акакія Акакіевича не стало.

Повѣсть оканчивается нѣсколько фантастически. Но это только слабая дань романтизму. Какъ ни чудесны приключенья, по существу они вполнѣ реальны.

„По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкинаго моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, мѣховыя, лисьи, медвѣжьи шубы— словомъ всякаго рода мѣха и кожи, какія-только придумали люди для прикрытія собственной".

Мертвеца видѣлъ одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ; стали поступать жалобы отъ многихъ лицъ, что спины „даже и надворныхъ совѣтниковъ подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванія шинелей".

Наконецъ, была поставлена на ноги вся полиція, и одному квартальному уже было удалось задержать мертвеца, да онъ вырвался.

Въ концѣ повѣсти Н. В. возвращается вновь къ тому значительному лицу, „которое, по настоящему, едва-ли не было причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи."

Оказывается что значительное лицо, уже по уходѣ отъ него Акакія Акакіевича почувствовало нѣкоторое угрызеніе совѣсти; передъ его глазами все время стоялъ образъ блѣднаго, растерявшагося Акакія Акакіевича и не давалъ ему покоя; черезъ недѣлю онъ от-

правилъ чиновника къ нему, чтобы разузнать о немъ и, въ случай возможности, помочь ему.

Когда онъ узналъ, что Акакій Акакіевичъ умеръ въ горячкѣ, онъ былъ страшно пораженъ, „слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ".

Онъ отправился, чтобы развлечься, къ своему сослуживцу, гдѣ весело провелъ вечеръ. Разгоряченный виномъ, онъ рѣшилъ отправиться не домой, а къ Каролинѣ Ивановнѣ, его „пріятельницѣ".

По дорогѣ однако къ ней съ нимъ случилась большая непріятность.

„Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ изношенномъ вицмундирѣ и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича."

„А, такъ вотъ ты, наконецъ!"—закричалъ мертвецъ: „Наконецъ, я тебя таки поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно? Не похлопоталъ объ моей, да еще распекъ—отдавай-же теперь свою!"

Значительное лицо само скинуло съ себя шинель и приказало кучеру поѣхать „во весь духъ домой".

Этотъ непріятный инцидентъ произвелъ на значительное лицо благотворное дѣйствіе,—онъ сталъ мягче, сдержаннѣе и съ большей осмотрительностью примѣнялъ свои начальническія замашки.

Съ этихъ же поръ чиновникъ-мертвецъ уже болѣе не показывался, хотя еще долго ходили слухи о томъ, что его видѣли то здѣсь, то тамъ.

Небольшая по объему повѣсть Гоголя „Шинель" имѣла огромное литературно-художественное значеніе. Она впервые направила вниманіе читателя на жизнь маленькихъ людей съ ихъ маленькими желаніями и безисходнымъ горемъ. Н. В. Гоголь не сдѣлалъ изъ своего Башмачкина героя. Онъ даже относится къ нему не

безъ доли насмѣшливости. Башмачкинъ ничему не учился, ни къ чему не стремится. Родился въ страданьѣ и вся жизнь его была сѣрой и невзрачной. Но этотъ бѣднякъ глубоко намъ жалокъ. Пусть онъ, что называется, съ неба звѣздъ не хватаетъ, но онъ честный и скромный труженикъ. Онъ аккуратно работаетъ, не разгибая спины. Заголовки бумагъ, особенно обращенныя къ высокимъ особамъ вызываютъ въ немъ какое-то благоговейное чувство. Это, конечно, смѣшно. Но развѣ виноватъ онъ, что общество и правительство не позаботились дать ему образованіе расширить его кругозоръ, указать ему цѣли въ жизни. А, вѣдь, Акакій Акакіевичъ не дурной человѣкъ, онъ даже не чуждъ идеализма. Какъ старательно переписываетъ онъ бумаги. У него даже любимыя буквы, которыми особенно наслаждается, когда приходитъ къ нимъ. Башмачкинъ честенъ. Онъ весь выраженіе того, чѣмъ долженъ былъ быть согласно волѣ начальства. „Не разсуждай, а повинуйся"—говоритъ начальство, и Акакій Акакіевичъ дошелъ до того, что не способенъ даже передѣлать бумагу первое лицо третьимъ. Начальство указало ему и другое правило замѣнить „чинъ чина почитай", и Акакій Акакіевичъ доводитъ это почтеніе до благоговѣйнаго трепета.

Государство все взяло у несчастнаго Башмачкина и ничего не дало ему взамѣнъ кромѣ нищенскаго существованія на 400 рублей въ годъ.

Не лучше и другіе чиновники, выведенныя въ этой повѣсти. Они выросли въ повиновеніи тѣмъ же бюрократическимъ правиламъ и потому они равнодушны къ дѣлу по существу, исполняютъ только форму, дабы отъ начальства не было нахлобучки; сами глубоко равнодушны и къ служебному дѣлу, и къ общественнымъ или литературнымъ и научнымъ интересамъ. Чѣмъ выше поднимаются они по табели о рангахъ и по своему

служебному положенію, тѣмъ пустѣе и ничтожнѣе становятся. И наверху іерархическаго благополучія возсѣдаетъ уже вполнѣ ничтожный человѣкъ генералъ совершенно оторвавный своимъ чиномъ и многолѣтней службой и отъ людей и даже отъ чиновниковъ; человѣкъ пустой и надменный, хотя по природѣ вовсе не злой. Высшее наслажденіе для него—повергнуть въ трепетъ чиновника грозными окриками. Одно изъ доступныхъ развлеченій—поѣздки къ Каролинѣ Ивановнѣ. Такъ же какъ и у мелкихъ чиновниковъ и у значительнаго лица" нѣтъ ни общественныхъ ни служебныхъ интересовъ высшаго порядка. Служить—значитъ получать чины и ордена. Сначала самому трепетать, а потомъ по возможности другихъ приводить въ трепетъ.

Своей скромною повѣстью о скромномъ и маленькомъ чиновникѣ Н. В. Гоголь сумѣлъ заглянуть въ глубь приказнаго (бюрократическаго) строя и въ художественныхъ строкахъ авторъ показалъ намъ до какаго нравственнаго и умственнаго паденія можетъ дойти человѣческая личность въ условіяхъ полнаго пренебреженія ея достоинствомъ и ея высшимъ назначеніемъ.

Эта особенность творчества Гоголя придавала его произведеніямъ глубоко-философскій и серьезно общественный интересъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА и КНИЖНАГО СКЛАДА
„ПРОГРЕССЪ“ М. Г. Стракуна.

С.-Петербургъ, Невскій, 34.

Чудиновъ.

Словарь толковый и орѳографическій. 2 т. 6 р.

Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ).

Монографія о Толстомъ. Крит. произв. Спб. 1 р.

Рабочіе люди и Новыя идеи *). Съ портретомъ автора. Спб. 80 к.

Овсянико-Куликовскій, проф.

Л. Н. Толстой. Спб., 1908 г. 60 к.

Литературный распадъ. Ч. I. Ц. 1 р. 50 к., ч. II. 1 р. 50 к.

Чуковскій.

Леонидъ Андреевъ, большой и маленькій. 80 к.

Рылѣевъ.

Пѣвецъ борьбы и свободы. Критич. очеркъ. Г. Карасика. Спб., 15 к.

С. Ѳ. Платоновъ, проф.

Лекціи по русской исторіи. 6-е изд. Спб. 3 р. 50 к.

К. Никитинъ.

Сборникъ сочиненій по русскому языку *). Темы, планы и разработанныя сочиненія литерат., истор. и отвлечен. характера, задав. въ средне-учебн. завед. и на конкурсныхъ экзамен. Спб. 2 части по 1 р.

Ф. Василевскій.

Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій *). Допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. въ ученич. библіот. Изд. 7-е. Спб. Цѣна за 2 вып. 1 р. 25 к.

Е. Рошалъ.

Планы и краткіе обзоры темъ. Спб. 1908 г. Ч. I—1 р. 25 к. Ч. II—1 р. Ч. III, IV, V, VI, VII, вып. 1 и 2 по ч. VIII по 1 р. 25 к.

Полевой.

Сборникъ разработан. темъ. Спб. Ч. I—1 р. 35 к. Ч. II—1 р. 25 к. Ч. III—1 р. Ч. IV—1 р.

Григорьевъ.

Сотрудникъ гимназиста *). Сборникъ сочиненій и плановъ Изд. 2-е. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. Ч. II—1 р.

Эрастовъ.

Искусство чтенія. Курсъ логическаго и выразит. чтенія. Ц. 1 р.

Карасевъ.

Ревизоръ, Старосвѣтск. помѣщики и др. произв. Н. В. Гоголя. Разборъ произв. для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 50 к.

Карасевъ.

Мертвыя души Н. В. Гоголя. Изложеніе и разборъ для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 50 к.

Виноградовъ Н.

Ив. С. Тургеневъ. Біографія и разборъ сочинен. для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 50 к.

Пауль Генсель.

Основныя проблеммы этики *). Семь лекцій 1905 г. Ц. 40 к.

Алексѣевъ.

Торговая корреспонденція. 300 образц. торговыхъ писемъ и др. 1 р

Евг. Сандофъ.

Сила и какъ сдѣлаться сильнымъ *). Полное руководство гимнастики, атлетики и борьбы съ 100 рисунками и 40 новѣйш. портрет. борцовъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

М. Соловьевъ.

Какъ быть борцомъ и атлетомъ *). Самоучитель французской борьбы тренировка съ гантелями и тяж. гирями. Съ 153 рис. въ текстѣ Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Гарманъ и Ганкокъ.

Джю-Джицу. Методъ японской атлетики съ 22 рис. Спб. 1908 г. 75 к.

І. П. Миллеръ.

Моя система *). 15 минутъ ежедневной гимнастики. Спб. 1909 г 75 к. Таблица къ книгѣ „Моя Система“ Наклеенная на кард. 20 к

І. П. Миллеръ.

Новѣйшая гигіена *). Гигіенич. совѣты съ 26 рис. 1909 г. 1 р.

Проф. Гаррисонъ.

Развитіе силы и нарощеніе мышцъ *). Руководство къ раціональной гимнастикѣ съ 55-ю рис. Изд. 2-е. Спб. 1909 г. Ц. 1 р.

Борьба и борцы. Правила борьбы, съ рис. борьбы и порт. 1 р. 25 к

А. Михайловъ.

Практическое руковод. къ изученію фотографіи для начинающихъ. Изд. 3-е, дополн. Спб. Ц. 30 к.

Спутникъ наборщика и корректора *). Составилъ Р. Спб. Ц. 20 к.

Л. Курбергъ.

Альбомъ монограммъ. 1300 художественно исполн. моногр. Ц. 2 р.

Гупиль.

Руководство къ живописи масляными красками. Перев. П. Маркова. 1 р.

Шполь.

Рисованіе безъ клѣтокъ для школъ и самообученія Ц. 1 р.
Мѣры, вѣсъ и монеты, русскіе и метрическіе. Новое положеніе. Сравнительныя табл. Ц. 30 к.

М. Котурьенко, капит.

Спутникъ молодого солдата пѣхоты *). Рекомендовано Главнымъ Штабомъ за № 180, 1905 г. Новый Учебникъ Программа для молодыхъ солдатъ пѣхоты по недѣлямъ. Изд. 5-е. Спб. 1909 г. 25 к.

М Котурьенко *), капит.

Герои мирнаго времени. 30 к. Русскій солдатъ на полѣ брани. 30 к.

Иллюстрированная лѣтопись войны съ Японіей. 84 отд. выпусковъ 10 р. за 6 р.

Курсъ нач. рисованія. Изданіе Императ. О-ва Поощренія Худож. Состав. Акад. Сабанѣевымъ въ 5 тетр. Спб. Ц. 1 р.
Самая смѣшная книга. Худ. сбор. грав. на дер. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Подарокъ хозяйкѣ. Настольная книга. (Кухня и совѣты). 50 к. за 10 к.
Березка. Разсказъ для дѣтей младш. возр. съ рис. Отпечатанъ крупнымъ шрифтомъ. 80 к. за 20 к.

Заикина, Л.

Хиромантія или Тайны руки. Полное руководство къ опредѣленію типа, характера и наклонностей человѣка. Спб. 1909 г. Ц. 1 р.
Рѣшеніе задачъ сборника Евтушевскаго *). Ч. I. Ц. 30 к.
Справочный словарь для правописанія *). Сост. по Гроту, Далю, Макарову и др. подъ ред. В. Кименталь. Спб. Ц. 15 к.

Фругъ *).

Встрѣчи и впечатлѣнія. 1 р. Сказки и эскизы. 1 р. Обѣ вмѣстѣ съ роскош. пер. 2 р.

Н. Корецкій.

Дивертиссементъ. Художеств. сборникъ. СПБ. Ц. 1 р. 50 к.
«Книга неудержимаго смѣха» *). Дивертиссементъ книга 2-я. Изд. 3-е, пополн. текстомъ и рис. Художественный Сборникъ (иллюстр. портретами авторовъ) избранныхъ ком. сатирестич. и юмористич. сценъ и разсказовъ. 1 р.

Молль Д-ръ.

Половая жизнь ребенка, подъ ред. Д-ра Бегровина. СПБ. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сигизмундъ Либровичъ.

Петръ I-й и женщины. Спб. 1 р.

Форель.

Половой вопросъ 2 т. 1909 г. 2 р. 50 к.

Вокальные вечера. Сборникъ хоровъ для смѣшан. хоровъ: дисканта, альта, тенора и баса, съ аккомпан. фисгармоніи и фортеп. В. Волковскаго, вып. 2-й. 2 р. 50 к.

Янъ Клечинскій. Проф.

Какъ надо исполнять Шопена. 3 лекціи съ нотами. Изд. 2-е. Спб. 50 к.

Сакетти.

Музыкальная хрестоматія. Спб. 3 р.

Риттихъ.

Славянскій міръ. Этног., историческ. и географич. сборникъ. 4 р.

М. Фарадей.

Исторія свѣчки. Популярн. излож. съ 56 рис. 75 к.

Пиковъ.

Самый легкій способъ выучиться играть въ винтъ Изд. 2-е. Спб. 75 к.

Викторъ Кименталь.

Самоучитель безошибочно писать по-русски въ 2-хъ ч. За обѣ вмѣстѣ 1 р. 50 к.

Быстровъ.

Полныя программы и правила для испытанія на званіе домашн. учителя и учительницы и на 1-ый классный чинъ гражданск. вѣдомства. Спб. 1910 г. 60 к.

Быстровъ З.

Полныя программы и правила для поступленія на военную службу вольноопредѣляющимся и на 1-ый классный чинъ воен. вѣд. Спб. 1910 г. 60 к.

Нов. повторительные курсы по исторіи.

Сост. по учебн. Иванова, Карѣева и др. Подъ ред. учит. гимн. и учит. института Виноградова:

Повтор. курсъ древней исторіи. СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
„ „ средней „ СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
„ „ новѣйш. „ СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
„ „ русской „ СПБ. 1910 г. Ц. 30 к.
